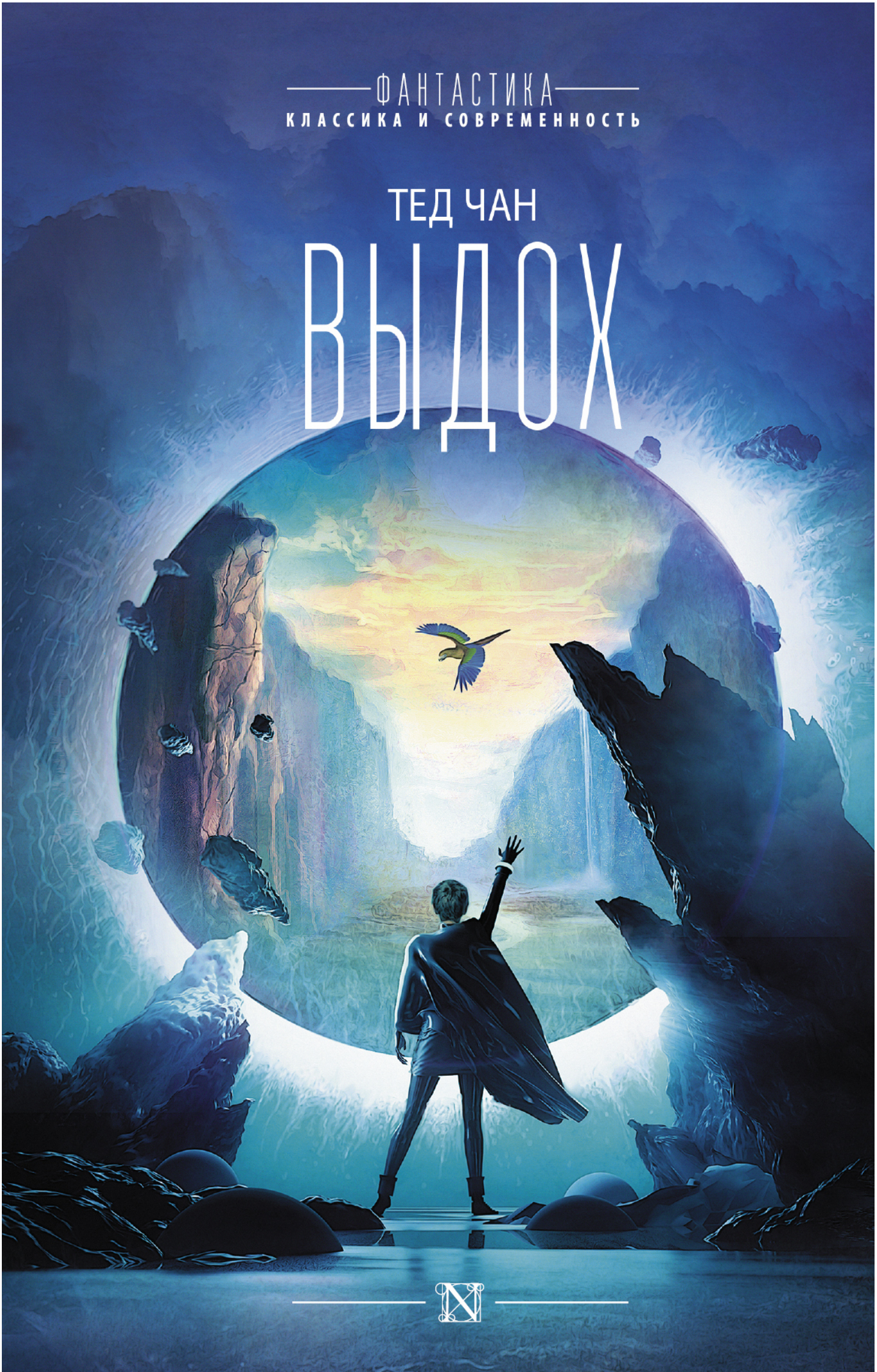
ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТЕД ЧАН

ВЫДОХ



Фантастика: классика и современность

Тед Чан

Выдох

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чан Т.

Выдох / Т. Чан — «Издательство АСТ», 2019 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-119490-1

Тед Чан – уникальное явление в современной фантастике, та самая звезда НФ, которую обожают в равной степени и читатели, и критики. Он собрал самые престижные премии, включая 4 «Небьюлы», 5 «Хьюго» и 4 «Локуса». В новом сборнике «Выдох» Чан продолжает задавать все те же не теряющие актуальности вопросы: – что есть ЧЕЛОВЕК – и какие факторы влияют на его жизненный выбор; – надо ли искать инопланетный разум, когда человечество еще не определилось с судьбой своей родной планеты; – всегда ли взаимоотношения людей и машин – благо; – и другие, не менее важные… Читайте самого титулованного из современных фантастов! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-119490-1

© Чан Т., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Купец и волшебные врата 6
Выдох 28
Чего от нас ждут 37
Жизненный цикл программных объектов 39
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Тед Чан
Выдох

Ted Chiang
EXHALATION

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Ted Chiang, 2019
© Перевод. В. Гришечкин, 2019
© Перевод. М. Вершовский, 2019
© Перевод. К. Егорова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Купец и волшебные врата

О могущественный халиф, светило веры и предводитель уповающих на Всевышнего! Призвав меня пред очи свои, ты удостоил ничтожнейшего из людей великой чести, на какую не смеет надеяться простой смертный. История, которую я готов повергнуть к стопам твоего внимания, может показаться тебе воистину удивительной и странной, но она вполне заслуживает того, чтобы быть записанной на роговице человеческого глаза, ибо содержит в себе назидание для тех, кто хочет быть предупрежден, и урок для тех, кто хочет чему-нибудь научиться.

Мое имя, о халиф, Фувад ибн-Аббас, и я родился здесь, в Багдаде, который еще иногда именуют Городом Мира. Мой покойный отец – а его еще многие помнят в Багдаде – торговал зерном, но сам я большую часть жизни занимался тканями, поставляя знатнейшим горожанам дамасские шелка, лучшее египетское полотно и расшитые золотом платки из Марокко. Мое дело процветало, но дух мой был смущен, и утешить меня могла не роскошь, но милостыня, которую я щедро подавал нуждающимся. Ныне, о повелитель, я стою перед тобой без единого дирхема в кармане, но на сердце у меня царит покой.

Аллах – начало всего, но с твоего милостивого позволения, о владыка, начну мой рассказ с того дня, когда я отправился в квартал кузнецов и ювелиров, ибо мне нужно было выбрать подарок для весьма почтенного купца, с которым я вел дела, а знающие люди сказали, что этому человеку мог бы понравиться большой серебряный поднос. Побродив по городскому базару некоторое время, я вдруг заметил в одной из лавок новое лицо. Лавка была довольно большой и находилась на самом выгодном месте, в центре базарной площади. Чтобы занять ее, новому владельцу пришлось, наверное, заплатить немало золота, поэтому я решил зайти сюда, чтобы поглядеть на выставленный товар.

Мне приходилось много путешествовать, о владыка, но еще никогда и нигде я не встречал вещей столь удивительных и редких! У самого входа я увидел астролябию[1]с семью инкрустированными серебром дисками, большие водяные часы, которые били каждый час, а также искусно сделанного из меди соловья, который принимался издавать трели при малейшем дуновении ветерка. В глубине лавки стояли предметы и механизмы еще более диковинные, и я рассматривал их с изумлением ребенка, впервые увидевшего уличного жонглера или шпагоглотателя, когда из неприметной дверцы в дальней стене вышел какой-то старик.

– Добро пожаловать, господин, – приветствовал он меня. – Мое имя Башарат. Чем я могу служить тебе?

– У тебя в лавке выставлены товары, – отвечал я, – каких мне еще не приходилось видеть, а ведь я веду дела с купцами из самых отдаленных уголков мира. Позволь мне спросить, откуда ты взял столь удивительные вещицы?

– Благодарю тебя за твои слова, о господин, – сказал Башарат, – но все, что ты видишь перед собой, сделали в моей мастерской либо я сам, либо мои подмастерья, которыми я руководил.

То, что этот человек отличается столь разнообразными познаниями, изрядно удивило меня. Я долго расспрашивал его то об одном, то о другом механизме или приспособлении и поражался его подробным ответам, из которых следовало, что владелец лавки весьма сведущ в астрологии, геомантии, алгебре, медицине и других науках. Мы беседовали больше часа, и мое уважение и восхищение расцветали, точно роза, согретая утренними лучами солнца, пока Башарат не упомянул о своих алхимических опытах.

---

[1] Астролябия – старинный геодезический и астрономический прибор для измерения углов.

– Так ты осведомлен и в этой области? – спросил я, боюсь, с некоторым недоверием в голосе, ибо я никогда не считал алхимию настоящей наукой, да и человек этот вовсе не напоминал мошенника. – Означают ли твои слова, что ты умеешь превращать железо в золото?

– Умею, мой господин, однако большинство людей ожидает от алхимии вовсе не этого.

– Чего же они ожидают?

– Людям нужно золото, которое было бы дешевле, чем металл, добываемый из земли. Алхимикам известно несколько способов получения золота, но все они столь трудоемки и дороги, что по сравнению с ними добыча золотоносной породы в глубоких шахтах под горами кажется таким же легким делом, как сбор персиков с молодых деревьев.

Я невольно улыбнулся его словам.

– Ты, бесспорно, человек ученый, однако я твердо знаю, что полагаться на алхимию могут только глупцы.

Башарат пристально взглянул на меня. Несколько секунд он, казалось, размышлял о чем-то, потом сказал:

– Совсем недавно, господин мой, я построил одну машину, которая, возможно, заставит тебя изменить свое мнение. Не желаешь ли взглянуть на нее? Ты будешь первым, кому я ее показываю.

– Для меня это большая честь, – ответил я совершенно искренне, ибо был бесконечно заинтригован его словами.

– Тогда благоволи следовать за мной, – молвил Башарат и провел меня сквозь дверь в задней стене лавки. За дверью помещалась мастерская, наполненная инструментами и предметами, о предназначении которых я мог только гадать. Например, здесь были слитки железа, обмотанные таким количеством тонкой медной проволоки, что, если ее размотать, она протянулась бы до самого горизонта, а также какие-то странные зеркала, установленные на круглых гранитных плитах, похожих на мельничные жернова и плававших в больших чанах, наполненных ртутью. Но Башарат прошел мимо, не удостоив эти чудеса даже взглядом.

Наконец он подвел меня к массивному каменному блоку размером с большой сундук, на котором, как на пьедестале, стояло в вертикальном положении кольцо из толстого металла. Ширина кольца достигала почти сажени, а его обод казался таким тяжелым, что поднять его не смог бы и самый сильный мужчина. Металл обода был черным, как ночное небо, однако его так искусно отполировали, что будь он другого цвета, то смог бы заменить зеркало.

У пьедестала Башарат поставил меня лицом к ребру кольца, а сам встал справа от него.

– Смотри внимательно, господин, – сказал он.

С этими словами Башарат просунул руку в кольцо. Я, разумеется, ожидал, что она появится с противоположной стороны, но ничего не увидел. Казалось, будто кто-то отрубил руку Башарата по самый локоть. Между тем никакой крови не было. Пока я смотрел, Башарат помахал обрубком руки вверх и вниз и снова вытащил ее из кольца. Поразительно, но его рука оказалась совершенно целой!

Признаться, я не ожидал, что столь ученый человек вздумает развлекать меня обычными балаганными трюками, однако фокус был проделан столь безупречно, что я не удержался и захлопал в ладоши.

– Это еще не все, господин мой, – ответил Башарат, отступая на пару шагов от сооружения. – Подожди немного.

Я ждал, и вот какое-то время спустя в воздухе слева от кольца возникла рука. Одна рука от кисти до локтя – и больше ничего! На ней болтался просторный рукав халата, узор и цвет которого в точности соответствовали узору и цвету халата Башарата. Рука несколько раз поднялась и опустилась, потом втянулась в кольцо и исчезла.

Продолжение трюка произвело на меня куда более сильное впечатление, так как гранитный постамент и обод кольца выглядели недостаточно большими, чтобы внутри мог скрываться человек.

– Превосходно! – воскликнул я совершенно искренне. – Браво!

– Прошу прощения, господин, но это вовсе не фокус, как ты, вероятно, подумал. Дело в том, что пространство с правой стороны обруча опережает все, что находится слева от него, на несколько секунд. Просовывая руку сквозь кольцо, я преодолеваю этот временной интервал буквально в мгновение ока.

– Не понимаю, – признался я честно.

– Позволь мне показать тебе еще раз, – сказал Башарат и снова просунул руку в кольцо. И снова, как в прошлый раз, его рука исчезла. Башарат улыбнулся, сделал рукой движение, как будто что-то тащил, и, вынув ее из кольца, повернулся ко мне. На его ладони лежал перстень, который я тотчас узнал.

– Это же мой перстень! – воскликнул я и машинально поднес к глазам руку, однако мой перстень по-прежнему поблескивал у меня на пальце. – Скажи, о ученый человек, как тебе удалось так быстро создать столь совершенную копию?

– Это вовсе не копия, а твой подлинный перстень, господин. Терпение, и ты все увидишь сам!

И снова с левой стороны кольца появилась рука, которая столь напоминала руку Башарата. Желая узнать, в чем тут секрет, я быстро шагнул вперед и сжал эту руку в своей. Вопреки моим ожиданиям, это оказалась самая настоящая рука, такая же живая и теплая, как моя. Я потянул ее на себя, но рука дернулась в обратном направлении. В следующее мгновение она исчезла в пустом пространстве внутри обруча, а я почувствовал, что остался без перстня.

– Мой перстень пропал! – воскликнул я.

– Нет, господин, – ответил Башарат. – Вот он, возьми… – С этими словами он вручил мне перстень, который держал в руке. – Возьми его и прости меня за эту маленькую… демонстрацию.

Я снова надел перстень и некоторое время изумленно разглядывал его.

– Но как такое могло произойти? – промолвил я наконец. – Ведь этот перстень был у тебя до того, как он пропал с моей руки!

Тут я увидел, как из обруча снова показалась та же рука (я узнал ее по узору на рукаве халата), но на сей раз она высунулась из пустоты с правой стороны обода и тут же исчезла.

– Что это было?! – воскликнул я, придя в еще большее изумление, ибо не видел, чтобы Башарат пропускал руку через кольцо в третий раз.

– Вспомни, господин мой: все, что происходит с правой стороны, предшествует тому, что совершается слева, – напомнил Башарат и, встав с левой стороны от обруча, просунул в него руку. Как и в предыдущие разы, его рука исчезла, словно отрубленная.

Ты, о великий халиф, конечно же, понял, в чем было дело; до меня же суть происходящего дошла далеко не сразу. Только с третьего раза я сообразил: всякое действие, совершенное с правой стороны таинственного обруча, завершалось с его левой стороны, но не сразу, а несколько секунд спустя.

– Не колдовство ли это, о господин? – спросил я у Башарата.

– Нет, – ответил он, качая головой. – Я прожил немало лет и ни разу не видел ни одного джинна или ифрита, но, даже если бы кто-нибудь из этих темных духов явился ко мне, я бы не доверил ему и самого легкого дела. Нет, о почтеннейший, это не колдовство, а всего лишь один из разделов алхимической науки.

И Башарат рассказал, как он выискивает в ткани мироздания узкие поры, похожие на ходы, которые протачивают в старом дереве черви, и как, найдя такой ход, он понемногу расширяет и вытягивает его подобно тому, как искусный стеклодув, вращая кусок расплавленного

стекла, превращает его в длинную трубку. Еще он добавил, что время, втекающее в такую трубку, подобно воде, на другом ее конце сгущается, словно сироп. Должен признаться, о великий халиф, что я совершенно не понял его объяснений и потому не могу судить, истинны они или нет. Единственное, на что я был способен, – это твердить: «Ты создал что-то поистине удивительное, о мудрец!», ибо мое уважение к этому ученому безмерно возросло.

– Благодарю тебя за добрые слова, мой господин, – ответил Башарат, – но все это только прелюдия к тому, что я собирался тебе показать.

И он знаком предложил мне пройти в следующую комнату, которая помещалась за его алхимической лабораторией. Там я увидел еще один круглый обруч, сделанный из того же полированного металла, только еще больше и массивнее, чем первый.

– То, что ты видел в предыдущей комнате, я называю Вратами секунд, – промолвил Башарат, останавливаясь перед своим творением. – А теперь перед тобой Врата лет. Две стороны этих Врат отстоят друг от друга ровно на два десятилетия.

Скажу честно, я понял его не сразу. На мгновение я даже представил себе, как Башарат просовывает руку в свои Врата с правой стороны, а потом двадцать лет ждет, пока она покажется слева. Никакого смысла в этом фокусе – если это был фокус – я не видел. Так я и сказал, но Башарат только рассмеялся в ответ.

– Разумеется, это устройство можно использовать и для фокусов, – сказал он. – Но подумай, мой господин, что будет, если ты сам пройдешь сквозь эту дверь… – И, встав с правой стороны Врат, он жестом подозвал меня к себе, а потом указал на кольцо.

– Смотри, господин мой.

Я посмотрел сквозь кольцо на дальний угол комнаты и почти сразу заметил, что ковры и подушки в нем отличаются от тех, которые были здесь, когда я вошел. Шагнув в сторону, я увидел, что комната ничуть не изменилась. Снова заглянув в кольцо, я убедился, что комната имеет другой вид.

– Глядя сквозь Врата, господин мой, ты видишь комнату, какой она станет двадцать лет спустя, – пояснил Башарат.

Я несколько раз моргнул, как иногда непроизвольно начинает моргать человек, когда вдруг в самом сердце пустыни ему начинает мерещиться прохладная озерная гладь, но видение – если это было видение – не исчезло.

– И ты утверждаешь, мудрец, что я тоже могу пройти сквозь твои Врата? – спросил я.

– Конечно, мой господин. Сделав один-единственный шаг, ты окажешься в Багдаде, каким он станет через два десятка лет. Ты даже сможешь разыскать в нем будущего себя, поговорить сам с собою и вернуться. Для этого достаточно пройти сквозь Врата в обратном направлении.

При этих его словах у меня закружилась голова, так что я даже пошатнулся.

– И ты проделывал это, о мудрец? – спросил я. – Ты побывал в будущем и вернулся?!

– Да, господин мой, – кивнул ученый. – И не только я, но и многие из тех, кто заходил ко мне в лавку взглянуть на мои товары.

– Как же так, – удивился я, – ведь совсем недавно ты сказал, что я первый человек, которому ты показываешь свое творение!

– Я имел в виду только эти Врата. Но много лет назад мне принадлежала лавка в Каире; там я построил свои первые Врата лет. Их я показывал многим, и все эти люди воспользовались ими.

– Это поразительно! – воскликнул я. – Скажи же мне, о мудрейший, что принесли этим людям разговоры со своими двойниками из столь отдаленного будущего?

– Каждый узнаёт что-нибудь свое, – сказал Башарат. – Если хочешь, господин мой, я могу рассказать тебе историю одного такого человека.

И если будет угодно могущественному халифу, я готов поведать ее в таком виде, в каком она мне запомнилась.

Повесть о счастливом канатчике

Жил на свете молодой мастер-канатчик по имени Хасан, который прошел сквозь Врата лет, потому что хотел увидеть Каир, каким он станет через двадцать лет. Очутившись в будущем, он был поражен тем, как вырос и изменился его родной город. Хасану даже казалось, что он каким-то чудом оказался в сказке, вытканной искусным мастером на дорогом персидском ковре, и, хотя вокруг него был самый что ни на есть Каир со всеми его достоинствами и недостатками, все вокруг казалось ему необыкновенным.

И вот Хасан забрел к воротам Зувайла, где выступают шпагоглотатели и заклинатели змей. Там его неожиданно окликнул какой-то предсказатель.

– Эй, парень, – сказал он, – хочешь, я открою тебе будущее?

– Я его уже знаю, – рассмеялся Хасан в ответ.

– Но тебе, наверное, любопытно, станешь ты богатым или нет?

– Мое ремесло – плетение канатов и веревок, – отвечал Хасан. – Вряд ли оно способно принести мне богатство.

– Почему ты так уверен в этом? – возразил предсказатель. – Разве ты не слышал о прославленном купце Хасане аль-Хуббале, который в юности тоже был простым канатчиком?

Заинтересовавшись, Хасан стал расспрашивать рыночных торговцев о своем прославленном тезке и вскоре выяснил, что о нем и его богатстве действительно знают буквально все. Ему даже сказали, что Хасан аль-Хуббаль живет в самом дорогом квартале Хаббания. Хасан тотчас отправился туда, и там ему указали дом купца, который оказался самым большим на улице и больше походил на дворец.

Сначала Хасан немного оробел, но потом постучался в калитку, и слуга в шелковом тюрбане провел его в просторный, устланный коврами дворик, в центре которого бил небольшой фонтан. Ожидая, пока слуга доложит о нем своему господину, Хасан разглядывал окружавшие его мрамор и слоновую кость и все больше убеждался, что здесь не место скромному канатчику. Он уже собирался потихоньку уйти, когда дверь во внутренние покои отворилась, и во дворике появился какой-то человек, в котором Хасан – отдадим должное его сообразительности – почти сразу узнал себя, постаревшего на два десятилетия.

– Наконец-то ты явился! – воскликнул Хасан аль-Хуббаль. – Я давно тебя поджидаю!

– Ты ждешь меня? – удивился молодой Хасан.

– Конечно! Ведь я побывал у будущего себя точно так же, как ты сейчас пришел ко мне. Это было так давно, что я забыл точную дату, поэтому и не знал, когда ты появишься. Садись же, о Хасан, отобедай со мной!

И оба отправились в обеденный зал. Там они уселись на шелковых подушках, и слуги подавали им золотистый плов, фаршированных оливками нежных цыплят, лепешки с медом и шашлык из мяса ягненка, вымоченного в соке граната. За обедом старший Хасан рассказал гостю кое-что о своей жизни, о своих коммерческих операциях и деловых интересах, но ни словом не обмолвился о том, как он стал купцом. Упомянул он и о том, что женат, но добавил, что сейчас молодому Хасану неблагоразумно встречаться со своей будущей супругой. Вместо этого Хасан аль-Хуббаль попросил юношу рассказать кое о каких проделках и шалостях, совершенных им в детстве, и долго смеялся над несколькими случаями, которые время успело изгладить из его памяти.

Наконец молодой Хасан спросил аль-Хуббаля, как удалось ему изменить свою жизнь и разбогатеть.

– Сейчас я могу сказать тебе только одно: когда отправишься на базар покупать пеньку, никогда не ходи по южной стороне улицы Черных Собак, как ты обычно делаешь. Ходи по ее северной стороне.

– И это поможет мне разбогатеть? – недоверчиво спросил юный Хасан.

– Просто сделай, как я сказал. А сейчас возвращайся-ка обратно: тебя ждет работа. Мы еще встретимся; о дне второго визита ко мне ты узнаешь в свое время.

С тем юный Хасан и вернулся назад. Поразмыслив, он решил послушаться совета Хасана аль-Хуббаля и всегда ходил по северной стороне улицы Черных Собак, даже если на ней не было тени. Всего несколько дней спустя, когда он проходил по этой улице, по южной ее стороне промчалась во весь опор взбесившаяся лошадь. Она лягнула нескольких прохожих, изувечила одного мужчину, опрокинув на него тяжелый каменный кувшин с пальмовым маслом, а другого затоптала копытами. После того как лошадь умчалась и суматоха немного улеглась, Хасан помолился Аллаху об исцелении искалеченного и о вселении в обитель праведных души убитого, а потом возблагодарил Бога за то, что избавил его от смерти.

На следующий день Хасан снова прошел сквозь Врата лет и разыскал Хасана аль-Хуббаля.

– Почему ты дал мне такой совет? – спросил юноша. – Разве тебя искалечила взбесившаяся лошадь, когда ты проходил улицей Черных Собак?

– Нет, – был ответ, – потому что я последовал совету более позднего Хасана. Не забывай: ты и я – одно, и все, что случилось с тобой, когда-то выпало и мне.

И старший Хасан стал давать юноше другие указания, а тот неукоснительно их исполнял. Он перестал брать яйца в ближайшей лавке и счастливо избежал тяжкой болезни, поразившей других покупателей, когда к торговцу случайно попала подпорченная партия. В другой раз Хасан приобрел дополнительный запас пеньки и продолжал работать, когда прочие канатчики остались без материала из-за задержавшегося в пути каравана. Советы аль-Хуббаля помогли ему избежать и многих других неприятностей, однако юноша часто спрашивал себя, почему более поздний Хасан не открывает ему всей картины. На ком он женится? Как он разбогатеет и когда это наконец произойдет?

Как-то раз, выгодно продав на базаре большую партию готовых канатов, юный Хасан возвращался домой с довольно тяжелым кошельком на поясе, что случалось с ним весьма редко. На одной из городских улиц на него как бы случайно налетел какой-то мальчишка, и почти сразу Хасан почувствовал, что кошелек с его пояса исчез. Обернувшись с гневным воплем, он приготовился схватить воришку, но мальчуган бросился в толпу, да так проворно, что Хасан успел заметить только порванный рукав его рубашки. В следующий миг он затерялся среди людей и исчез.

На мгновение Хасан остолбенел. Он никак не мог понять, почему Хасан аль-Хуббаль не предупредил его об этом случае, однако в конце концов гнев победил удивление, и он отправился на поиски маленького мерзавца. С полчаса он рыскал по близлежащим улицам и площадям, разглядывая рукава у всех мальчишек, встречавшихся ему по дороге, и наконец случайно заметил воришку, который притаился под повозкой с фруктами. Схватив его за шиворот, Хасан крикнул собравшимся вокруг людям, что он поймал вора и просит кого-нибудь поскорее позвать стражу. Мальчишка, испугавшись тюрьмы, сразу же бросил украденный кошелек и заплакал. Хасан долго смотрел на него, но потом ему стало жаль мальчугана, да и гнев его успел остыть. Выпустив вора, он подобрал кошелек с деньгами и быстро зашагал прочь.

Когда в следующий раз юноша оказался в доме старшего Хасана, он спросил:

– Почему ты не предупредил меня о воре?

– А разве ты не получил от этого случая никакого удовлетворения? – в свою очередь, спросил Хасан аль-Хуббаль.

Хасан уже собирался сказать «нет», но неожиданно задумался.

– Пожалуй, получил, – признался он.

В самом деле, когда юноша преследовал вора, он не знал, чем кончится погоня, и ощутил такие волнение и кипение в крови, каких не испытывал уже давно. Когда же пойманный маль-

чишка расплакался, Хасан невольно вспомнил, что пророк Мухаммед учил своих последователей быть милосердными. Поддавшись душевному порыву, он отпустил вора и сразу почувствовал себя почти праведником.

– Стоило ли лишать тебя этих мгновений? – спросил Хасан аль-Хуббаль, внимательно наблюдавший за юношей.

Хасан, который только сейчас начал постигать ценность традиций, многие из которых казались ему прежде бессмысленными, понял, что молчание часто бывает драгоценнее слов.

– Нет, – сказал он твердо. – Я рад, что ты меня не предупредил. И старший Хасан увидел, что юноша его понял.

– А теперь я расскажу тебе нечто по-настоящему важное, – сказал ему тогда Хасан аль-Хуббаль. – Когда ты вернешься домой, тебе нужно будет нанять лошадь и отправиться к месту, которое я укажу. В предгорьях холмов к западу от города ты должен отыскать небольшую рощу, а в ней – дерево, в которое ударила молния. У подножия дерева найди самый большой камень, какой сможешь перевернуть, и копай под ним.

– Что я там увижу? – спросил Хасан.

– Узнаешь, когда найдешь, – был ответ.

С тем Хасан и вернулся в Каир. На следующий день он отправился к холмам, как ему было указано, и бродил в роще, покуда не наткнулся на расщепленное молнией дерево. Землю под ним сплошь усеивали большие камни, и Хасан перевернул сначала один, потом другой. Только когда он копал под третьим, его лопата неожиданно обо что-то ударилась. Торопясь, Хасан сгреб в сторону землю и увидел бронзовый сундук, битком набитый сокровищами. Ничего подобного Хасан никогда в жизни не видел. Навьючив сундук на коня, он повез его назад в город.

Когда юноша в очередной раз встретился с Хасаном аль-Хуббалем, он спросил:

– Как ты узнал, где зарыт клад?

– Как и ты, я узнал это от самого себя, – сказал старший Хасан. – Объяснить, откуда мы узнали, где именно спрятано золото, я не в силах. Очевидно, такова была воля Аллаха, а разве не она лежит в основе всего?

– Клянусь, – торжественно пообещал юный Хасан, – что разумно распоряжусь богатством, которым благословил меня Аллах.

– А я, в свою очередь, намерен и дальше следовать этой клятве, – молвил Хасан аль-Хуббаль. – С тобой мы больше не встретимся. Отныне ты будешь жить своим умом, и да поможет тебе Всевышний.

Так Хасан вернулся домой в последний раз. Теперь, когда у него было много золота, он мог покупать больше пеньки и нанимать рабочих, которым платил по справедливости, а готовые канаты и веревки всегда продавал с прибылью. Несколько лет спустя Хасан женился на красивой и умной женщине, которая посоветовала ему поместить капитал в торговлю. Так он и поступил и вскоре стал богатым и известным купцом Хасаном аль-Хуббалем. До конца своих дней он жил честно и праведно, щедро подавая нищим и жертвуя деньги мечетям и медресе, и был счастлив, пока не забрала его смерть, разрушающая союзы и кладущая конец делам земным.

* * *

– Это поистине удивительная история, – сказал я Вашарату, когда тот закончил. – И великий соблазн для каждого, кто еще не решил, стоит ли ему воспользоваться Вратами лет, – добавил я с легким упреком, ибо подобные выдумки всегда были в большом ходу у рыночных торговцев, расхваливающих свой товар.

– Ты мудр, мой господин, – с поклоном ответил Башарат. – Но напрасно подозреваешь меня во лжи. Аллах кого хочет – вознаграждает, кого хочет – наказывает, и никакие Врата не в силах изменить того, что предначертано человеку свыше.

Я кивнул, ибо в те минуты мне казалось, что я понял его слова.

– Ты имеешь в виду, – сказал я, – что если с помощью твоих Врат какой-то человек сумеет избежать бед, которые пережил его более поздний двойник, то на него могут обрушиться другие несчастья?

– Прости меня, мой господин, если я плохо выразил свою мысль, – возразил Башарат. – Но тот, кто пользуется Вратами, вовсе не выбирает свою судьбу, которая может оказаться такой, а может – и несколько иной. Нет, Врата лет – это нечто вроде потайного хода, по которому ты можешь попасть во дворец скорее, чем если бы шел через главные ворота. Дворец останется неизменным вне зависимости от того, каким путем – длинным или коротким – ты туда добрался.

Признаюсь, эти слова удивили меня.

– Значит, будущее предопределено? – спросил я. – И оно так же неизменно, как и прошлое?

– Говорят, искупление и покаяние – единственное, что способно перечеркнуть прошлое.

– Я тоже слышал об этом, однако не имел возможности убедиться в истинности сего высказывания.

– Весьма прискорбно, мой господин. Как бы там ни было, я могу сказать только одно: будущее не меняется, что бы мы ни предпринимали.

Я ненадолго задумался.

– Ты хочешь сказать, мудрец, – проговорил я, – что если кто-то узнает о своей кончине, то никак не сможет ее избежать?

Башарат утвердительно кивнул.

Все это повергло меня в недоумение, и я некоторое время молчал. Потом я подумал, не может ли подобная предопределенность служить чем-то вроде двадцатилетней гарантии безопасности.

– Предположим, – сказал я, – с помощью твоих Врат человек узнал, что двадцать лет спустя он будет жив и здоров. Означает ли это, что в продолжение указанного срока никто и ничто не сможет ему повредить? Может ли такой человек быть уверен, что с ним ничего не случится, даже если он будет участвовать в самых страшных битвах или подвергать свою жизнь иным опасностям?

– Я не задумывался об этом, – ответил Башарат. – Но вполне вероятно, что человек, который намерен поступить столь безрассудно, при первом же посещении будущего узнает о своей давней кончине.

– Ага, – воскликнул я, – значит, встретить себя самого в будущем могут только самые благоразумные?

– Позволь мне, господин мой, поведать тебе историю еще об одном человеке, воспользовавшемся Вратами лет, и тогда ты решишь, был он благоразумен или нет, – сказал мне на это Башарат.

И если Твоему Величеству будет угодно, я расскажу о том, что узнал от сего ученого мужа.

Повесть о ткаче, который обокрал самого себя

Жил в Каире молодой ткач по имени Аджиб. Был он небогат, но ему очень хотелось узнать, каково это – жить в роскоши и довольстве. Услышав историю Хасана-канатчика, он без колебаний прошел сквозь Врата лет, чтобы разыскать в будущем самого себя, ибо юноша был уверен, что через двадцать лет он станет таким же богатым и щедрым, как Хасан аль-Хуббаль.

Очутившись в будущем, юноша прямиком отправился в богатый каирский квартал Хаббания, расспрашивая встречных о том, где живет знаменитый купец Аджиб ибн-Тахир. А на случай, если кто-то обратит внимание на его сходство с богачом, Аджиб приготовился соврать, будто он его сын, недавно приехавший из Дамаска. Увы, ему так и не пришлось прибегнуть к этой выдумке, ибо никто из тех, кого он расспрашивал, ничего не слышал об Аджибе ибн-Тахире.

В конце концов юноша решил отправиться в тот район Каира, где жил всегда, и узнать у соседей, куда он переехал, после того как разбогател. Очутившись на своей улице, он остановил какого-то мальчугана и спросил, не знает ли тот, где можно найти человека по имени Аджиб. И мальчишка сразу указал Аджибу на его прежний дом.

– Здесь он жил раньше, – сказал Аджиб уверенно. – А мне нужно знать, где он живет сейчас.

– Если со вчерашнего вечера он успел куда-то переехать, в таком случае я не знаю, где его искать, – ответил мальчик и убежал.

Аджиб был озадачен. Неужели, спрашивал себя юноша, он и через двадцать лет будет жить все в той же развалюхе из необожженного кирпича? Но ведь это значит, что он так никогда и не разбогатеет и что более поздний Аджиб не даст ему никакого дельного совета, последовав которому он сможет улучшить свою жизнь! Ну почему, почему его судьба так сильно отличается от судьбы счастливого канатчика?! И в надежде, что мальчишка ошибся или неудачно пошутил, Аджиб решил подождать у дома.

Вскоре юноша увидел, как из дверей выходит какой-то мужчина, и с упавшим сердцем узнал в нем самого себя. За мужчиной следовала женщина, очевидно, его жена, но Аджиб не обратил на нее внимания – до того потрясен он был гибелью всех своих надежд. С отвращением и глубоким разочарованием разглядывал он простую одежду супругов, пока те не исчезли из вида за поворотом улицы.

Тогда, снедаемый любопытством того рода, которое заставляет людей смотреть на отрубленные головы казненных преступников, Аджиб решился на рискованный поступок. Убедившись, что за ним никто не следит, он подошел к дверям своего дома. Ключ, который лежал у него в кармане, по-прежнему подходил к замку, и Аджиб без труда проник внутрь. Обстановка в комнатах, конечно, изменилась, но была она ветхой и дешевой. При виде ее Аджиб помертвел. Неужели и через двадцать лет он не сможет позволить себе ничего лучшего, чем эти протертые, полинявшие подушки?

В отчаянии Аджиб бросился к деревянному сундучку, где когда-то хранил свои скромные сбережения, открыл крышку и обомлел. Сундучок оказался доверху наполнен золотыми монетами.

Аджиб испытал настоящее потрясение. Он никак не мог понять, почему его поздний двойник, имея полный сундук золота, носит простую одежду и двадцать лет живет все в том же старом домишке? Каким же скупым, безрадостным и угрюмым человеком надо быть, чтобы обладать таким богатством и не пользоваться им! Сам Аджиб давно усвоил: богатство нельзя взять с собой в могилу. Ему казалось странным, что с возрастом он мог забыть столь очевидную истину!

В конце концов юноша решил, что богатство должно принадлежать человеку, который способен оценить его по достоинству, то есть ему самому. Кроме того, Аджибу казалось, что он не совершит дурного поступка, если заберет золото – нельзя же, в самом деле, обокрасть самого себя! Подумав так, он без дальнейших колебаний взвалил сундучок на плечо, и, хотя тот был очень тяжел, сумел протащить его через Врата лет в обратном направлении.

Оказавшись в знакомом ему Каире, Аджиб отдал половину новообретенного богатства ростовщикам, а половину оставил себе. С тех пор он никогда не выходил из дома без кошелька, набитого золотыми монетами. Теперь он одевался в халат из дамасского атласа, кордовские

туфли из мягкой козлиной кожи, а на голове носил тюрбан, украшенный драгоценным камнем. Сняв большой дом в хорошем квартале, он устлал его лучшими коврами и мягкими подушками и нанял искусного повара, который готовил ему самые изысканные кушанья. Немного освоившись со своим новым положением богатого человека, Аджиб задумал жениться и разыскал брата девушки, которой прежде позволял себе любоваться лишь издалека. Звали красавицу Таахира. Ее брат был цирюльником, и Таахира помогала ему составлять целебные снадобья и притирания для больных. Будучи бедняком, Аджиб несколько раз заходил в цирюльню якобы для того, чтобы купить лекарство от зубной боли, но на самом деле ему хотелось просто поболтать с Таахирой. Однажды ее чадра чуть приподнялась, и Аджиб увидел, что глаза у девушки большие и черные, как у газели. В прежние времена брат Таахиры, конечно, не согласился бы, чтобы его сестра вышла за простого ткача, но теперь положение изменилось, и Аджиб стал для нее завидным женихом.

Вскоре брат дал свое согласие, да и Таахира была не против, ибо Аджиб давно ей нравился. Свадьбу отпраздновали на широкую ногу, Аджиб не пожалел денег и арендовал одну из прогулочных барж, которые бороздили канал к югу от города. Пир с музыкантами и танцовщицами длился несколько дней, а Таахире Аджиб преподнес в качестве свадебного подарка ожерелье из великолепных жемчужин. Еще долго о свадьбе ткача судил и рядил весь квартал.

Юноша вовсю наслаждался своим богатством и обществом молодой жены, и в течение недели или двух они с Таахирой жили, ни в чем себе не отказывая. Но однажды, вернувшись домой, Аджиб увидел, что двери взломаны, а все серебряные и золотые безделушки, украшавшие комнаты, исчезли. Повар, напуганный грабителями, спрятался в сундуке. Услышав, что вернулся хозяин, он выбрался из своего убежища и рассказал Аджибу о разбойниках, напавших на дом и похитивших Таахиру.

В тот день Аджиб долго молился Аллаху, пока, измученный неизвестностью, не уснул. На следующее утро его разбудил стук в дверь. На пороге стоял незнакомый мужчина.

– Я должен кое-что передать тебе, господин, – начал он.

– Что же именно? – спросил Аджиб.

– Твоя жена цела и невредима.

Услышав эти слова, Аджиб почувствовал, как страх и ярость поднимаются в нем подобно черной желчи.

– Какой выкуп вы за нее хотите? – спросил он, едва сдерживая себя.

– Десять тысяч динаров, – был ответ.

– Но это больше, чем у меня есть! – в отчаянии воскликнул юноша.

– Не торгуйся со мной, – ответствовал грабитель. – Я сам видел, как ты швыряешь золото направо и налево.

Несчастный ткач упал на колени.

– Я вел себя расточительно и безрассудно! – вскричал он. – Клянусь именем пророка, у меня нет столько денег!

Грабитель пристально посмотрел на него.

– Собери все деньги, какие сможешь, – сказал он. – Завтра в этот же час я приду за ними. Если ты что-то утаишь, твоя жена умрет. Но если будешь вести себя честно, мои люди вернут тебе Таахиру.

И Аджиб понял: у него нет другого выхода.

– Хорошо, – сказал он, и грабитель ушел.

В тот же день Аджиб отправился к ростовщикам и забрал у них все деньги, которые когда-то дал им в рост. На следующее утро грабитель, как и обещал, явился за ними. В глазах юноши он увидел неподдельное отчаяние, и, хотя даже с процентами сумма была намного меньше десяти тысяч динаров, он не сомневался: больше у Аджиба ничего нет. Свое слово грабитель сдержал, и в тот же день вечером Таахира вернулась к мужу.

Увидев друг друга, они крепко обнялись, потом Таахира сказала:

– Признаться, я не верила, что ты согласишься заплатить за меня столь большую сумму.

– Без тебя деньги были бы мне не в радость, – ответил Аджиб и с удивлением почувствовал, что сказал чистую правду. – Но теперь я сожалею, что не могу купить тебе все, чего ты заслуживаешь, – добавил он.

– Не нужно ничего мне покупать, я и так люблю тебя больше жизни, – промолвила Таахира.

Но Аджиб лишь низко опустил голову и сказал:

– Мне кажется, это Аллах наказывает меня за мои грехи.

– За какие грехи? – спросила Таахира, но юноша лишь еще сильнее поник головой и ничего не ответил.

– Я не спрашивала тебя раньше, – не отступала Таахира, – но я знаю: твое богатство досталось тебе не по наследству. Скажи, ведь ты украл эти деньги?

– Нет, – ответил Аджиб, которому было стыдно признаться в содеянном даже самому себе. – Я… мне их дали.

– Значит, ты взял их взаймы?

– Нет. То есть не совсем… В общем, мне их дали, но возвращать их не нужно.

– Как?! – воскликнула тогда Таахира. – Тебе дали деньги, а ты не собираешься их возвращать? Значит, тебя совсем не беспокоит, что нашу свадьбу оплатил какой-то другой человек? А выкуп, который ты дал моему брату? Он тоже из этих денег? – В глазах ее блеснули слезы. – Чья же я теперь жена? Твоя или того человека?

– Ты моя жена, – сказал Аджиб.

– Как это может быть, если даже самой своей жизнью я обязана деньгам неизвестного мужчины?!

– Нет! – с горячностью вскричал Аджиб. – Ты не должна сомневаться в моей любви. Я клянусь, что верну эти деньги – все, до последнего дирхема!

И вот супруги перебрались из роскошного дворца в прежний дом Аджиба и стали жить там, откладывая каждый грош. Сначала они оба работали в цирюльне у брата Таахиры, а когда тот стал поставщиком благовоний ко двору султана, его лавка досталась им. Теперь Аджиб и Таахира сами составляли лекарства и продавали страждущим. Аптекарское дело приносило хороший доход, но они старались тратить на собственные нужды как можно меньше, экономя не только на убранстве жилища, но и на еде. На протяжении нескольких лет Аджиб улыбался каждый раз, когда ему удавалось опустить в сундучок очередную монетку, и говорил, что это служит напоминанием о том, как дорога ему жена. А еще он добавлял, что не забудет об этом даже после того, как сундучок наполнится, и клятва, которую он когда-то дал Таахире, исполнится.

Но наполнить сундучок, добавляя в него по нескольку жалких монет, очень непросто. За годы бережливость превратилась в скупость, а умеренность – в жадность. А хуже всего было то, что с годами любовь Аджиба и Таахиры ослабела, ибо в глубине души каждый досадовал на другого из-за денег, которые они не могли потратить на себя.

Так проходили годы, Аджиб старел и все ждал дня, когда золото будет украдено у него во второй раз.

* * *

– Какая странная и грустная история, – сказал я Башарату.

– О да, мой господин, – согласился ученый. – Но скажи, как тебе кажется, благоразумно ли поступил Аджиб?

Я долго раздумывал.

– Не мне судить его, – промолвил я наконец. – Вероятно, он должен примириться с последствиями своего поступка точно так же, как я должен отвечать за последствия собственных решений. – Несколько секунд я молчал, потом добавил: – И все-таки меня восхищает, что Аджиб не постыдился открыть тебе все!

– Увы, он рассказал мне об этом в глубокой старости, – покачал головой Башарат. – После того как он вышел из Врат с сундучком на плече, я не видел его целых двадцать лет, и только недавно он снова явился ко мне. Это произошло после того, как, вернувшись домой, он обнаружил исчезновение драгоценного сундучка. Аджиб вернул долг и решил, что теперь он может рассказать мне обо всех своих злоключениях.

– Вот как? – удивился я. – А Хасан тоже рассказал тебе свою историю уже в зрелые годы?

– Вовсе нет, историю Хасана я узнал от его более раннего двойника! Богач Хасан аль-Хуббаль так и не навестил меня, зато у меня побывал другой гость, который знал об обоих Хасанах нечто такое, чего ни один из них не смог бы мне рассказать.

И Башарат поведал мне третью, самую удивительную историю, которую я готов повергнуть к твоим стопам, о халиф. Слушай же!

Повесть о жене и ее любовнике

Ранийя на протяжении многих лет была женой Хасана, и, надо сказать, их брак был очень счастливым. Но однажды женщина увидела, как ее супруг обедает с молодым человеком, поразительно похожим на него же в юности. Именно таким Ранийя помнила молодого Хасана. Изумление ее было столь велико, что она едва не вмешалась в разговор мужчин. Когда неизвестный ушел, Ранийя потребовала, чтобы муж признался ей, кто это был, и Хасан аль-Хуббаль рассказал ей невероятную, поразительную историю, больше всего напомнившую одну из сказок «Тысячи и одной ночи».

– А что ты рассказал ему обо мне? – спросила она, немного придя в себя. – Мне важно знать: когда ты меня встретил, ты уже знал, что ждет нас в будущем?!

– С той самой секунды, когда я впервые увидел тебя, я возмечтал жениться на тебе во что бы то ни стало, и ничто на свете не смогло бы мне помешать, – с улыбкой ответил Хасан аль-Хуббаль. – И я сделал это вовсе не потому, что кто-то рассказал мне о моем будущем. Вот почему тебе лучше молчать. Ты же не хочешь испортить мне впечатление от нашей первой встречи, не так ли?

Ранийя послушалась мужа и пообещала ничего не рассказывать молодому Хасану. Это, впрочем, не помешало ей подслушать разговор мужа с гостем, когда он появился в их доме во второй раз. Прячась за занавеской, она украдкой бросила взгляд на молодого канатчика и вдруг почувствовала, что кровь в ее жилах закипела, как в молодости. Память часто подводит нас; вспоминая черты дорогих нам людей, мы порой идеализируем и приукрашиваем их, но лицо молодого Хасана было еще прекраснее, чем помнила Ранийя. Ночью она долго лежала без сна, вспоминая изящные, словно на персидской миниатюре, черты гостя, и к утру в голове созрел некий план.

Через несколько дней после очередного визита молодого Хасана муж Ранийи отправился по делам в Дамаск. Пока он отсутствовал, Ранийя разыскала на базаре лавку Башарата, о которой рассказал ей муж, и, пройдя сквозь Врата лет, вернулась в Каир своей молодости.

Она хорошо помнила, где жил тогда Хасан, и без труда нашла его скромный дом. День за днем Ранийя следила за юношей, вспоминая их первые ночи, и понемногу в ней разгоралось пламя грешного желания. Ранийя была преданной, верной женой и никогда не изменяла мужу, но, увы – с годами ее чувство к Хасану аль-Хуббалю потеряло свою остроту. Кроме того, сейчас ей выпала уникальная возможность, которая, как она твердо знала, не выпадала еще никогда и никому. Вернуться в молодость, снова ощутить всю сладость первых объятий своего мужа и возлюбленного – ради этого стоило рискнуть. И, поддавшись голосу собственного сердца, Ранийя сняла дом и потратила несколько дней, покупая для него подходящую обстановку.

Когда все было готово, она снова начала следить за Хасаном, тайно следуя за ним повсюду и пытаясь набраться храбрости, чтобы первой подойти к нему. В один из дней она увидела, как юноша забрел в ювелирную лавку и, показав мастеру ожерелье тонкой работы, украшенное к тому же десятью самоцветными камнями, спросил, сколько он за него даст. Ожерелье Ранийя узнала сразу – Хасан подарил ей такое же сразу после свадьбы. О том, что он пытался его продать, она не знала.

Стоя неподалеку, Ранийя притворилась, будто разглядывает какие-то кольца, а сама внимательно прислушивалась к разговору.

– Принеси его завтра, господин, я дам тебе за него тысячу динаров, – сказал ювелир.

Цена устроила молодого Хасана, и, бережно завернув ожерелье в тряпицу, он вышел из лавки. Ранийя проводила его взглядом и уже собиралась отправиться следом, как вдруг услышала рядом разговор двух мужчин.

– Видал это ожерелье? Оно из нашей добычи, – сказал один.

– Ты уверен? – спросил другой.

– Конечно. Должно быть, этот парень и выкопал наш клад.

– Давай расскажем обо всем главарю. Когда парень продаст ожерелье, мы отберем у него и деньги, и все остальные наши сокровища.

Мужчины вышли из лавки, не заметив Ранийю, которая стояла совершенно неподвижно, и только сердце ее билось часто-часто, как у затаившейся в траве лани, мимо которой только что прошел тигр. Она сразу поняла, что клад, который Хасан выкопал в холмах за городом, принадлежал банде разбойников и что эти двое тоже были из их числа. Очевидно, разбойники следили теперь за каирскими ювелирами, пытаясь найти вора.

Ранийя знала, что, коль скоро ожерелье попало к ней, следовательно, Хасан его так и не продал. Ей также было очевидно, что разбойники не нашли и не убили ее мужа. И все же у нее не оставалось сомнений: Аллах желает, чтобы она тоже что-то предприняла, ведь не зря же Всевышний привел ее в эту лавку и дал возможность услышать разговор разбойников. Он желал, чтобы она послужила его орудием!

И Ранийя вернулась к Вратам лет. Пройдя сквозь них и оказавшись в своем собственном времени, она поспешила домой и отыскала в шкатулке то самое ожерелье. Затем она еще раз воспользовалась Вратами, но вступила в них не с правой, а с левой стороны, перенесясь в Каир, который отстоял от нее еще на двадцать лет. Там Ранийя встретилась с собой, постаревшей еще на два десятилетия, и попросила у себя самой еще одно ожерелье. И надо сказать, о халиф, что этим двум женщинам не нужно было долго объяснять друг другу, как помочь юному Хасану.

На следующий день двое грабителей снова появились в лавке каирского ювелира, но на сей раз с ними был еще один мужчина такого свирепого вида, что Ранийя сразу поняла: это главарь разбойничьей шайки. Все трое притворялись, будто рассматривают какие-то серебряные изделия, а сами внимательно наблюдали за тем, как Хасан достает из кармана драгоценное ожерелье и кладет на прилавок перед ювелиром.

И как только он это сделал, Ранийя быстро шагнула вперед и воскликнула:

– Что за удивительное совпадение! Я как раз хотела продать точно такое же ожерелье! – И с этими словами она вынула из кошелька второе ожерелье и положила рядом с первым.

– Поразительно!.. – воскликнул мастер-ювелир. – За всю свою жизнь я еще никогда не видел двух украшений, которые были бы столь схожи между собой!

В этот момент в лавку вошла пожилая Ранийя.

– Что я вижу?! – проговорила она, бросив взгляд на прилавок. – Или мои глаза лгут мне? – С этими словами пожилая женщина достала третье ожерелье и положила рядом с первыми двумя.

– Продавец уверял меня, что мое ожерелье – единственное в своем роде! – с возмущением добавила старая Ранийя. – Теперь я вижу: он меня обманул!

– Среди торговцев встречаются удивительно бессовестные! – молвила молодая Ранийя. – Но теперь у вас есть свидетели, которые подтвердят, что подобное ожерелье вовсе не единственное на свете. Я уверена, госпожа, что вы сможете вернуть ожерелье и получить ваши деньги назад.

– Ну, не знаю, не знаю… – покачала головой старая женщина и повернулась к Хасану. – Сколько обещал тебе за него этот человек?

– Тысячу динаров, – растерянно ответил юноша.

– Вот как! Может быть, ты купишь за те же деньги и мое ожерелье, устод[2].

– Я… я должен подумать, – пробормотал в замешательстве ювелир.

Пока юный Хасан и пожилая женщина торговались с оценщиком, молодая Ранийя отступила чуть в сторону, чтобы слышать разговор разбойников. Главарь полушепотом бранил своих сообщников на чем свет стоит.

– О глупцы! – выговаривал он. – Теперь вы своими глазами видели, что это самые обыкновенные побрякушки. Из-за вас мы могли перерезать половину каирских ювелиров и в конце концов попасться в руки страже султана!

С этими словами он ударил по лбу сначала одного, потом другого разбойника и быстро вышел из лавки. Двое грабителей поспешили следом за главарем, а Ранийя снова вернулась к прилавку. Как она и ожидала, ювелир отказался покупать ожерелье Хасана за тысячу динаров. Он предлагал теперь вдвое меньшую сумму за оба украшения, и пожилая Ранийя с возмущением сказала:

– Нет, я не продам тебе это украшение за такие ничтожные деньги. Попробую лучше вернуть его торговцу, который обманул меня, уверяя, будто другого такого ожерелья на всем свете нет. – И она быстро вышла из лавки, закрыв лицо чадрой, однако Ранийе показалось, что пожилая женщина улыбается.

– Похоже, никто из нас не продаст сегодня своего ожерелья, – промолвила молодая Ранийя, обращаясь к юноше.

– Бог даст, в другой день мне повезет больше, – грустно ответил Хасан.

– Я думаю, что за такую красоту все же можно выручить порядочную сумму, – сказала Ранийя. – Нам просто не повезло. Пожалуй, сегодня я больше не буду пытаться продать ожерелье. Лучше отнести его домой и попытать счастья в следующий раз. Не проводишь ли ты меня немного, о юноша, чтобы по дороге злые люди не напали на меня и не отняли это ожерелье?

– С радостью, о госпожа, – ответил Хасан и отправился с Ранийей к снятому ею дому. У порога Ранийя пригласила юношу войти, предложила ему сладкого хорасанского вина, а после того, как они оба выпили по несколько бокалов, зазвала Хасана в свою опочивальню. Плотно зашторив окна, Ранийя погасила все светильники, так что в комнате стало темно, как ночью. Только после этого она сняла чадру и уложила Хасана на постель рядом с собой.

Этого момента Ранийя ждала с большим нетерпением, но ее постигло разочарование, ибо, вопреки ожиданиям, юноша оказался очень неловок и застенчив. Ранийя хорошо помнила их первую брачную ночь – тогда от каждого прикосновения Хасана у нее буквально захватывало дух, но сейчас перед ней был как будто совсем другой человек. Между тем до их первой встречи в той, другой, «молодой» жизни оставалось совсем немного, и она никак не могла понять, в чем дело. Ответ, однако, оказался совсем простым, но таким, какой вряд ли мог прийти Ранийе в голову раньше – до того, как она прошла сквозь Врата.

С этого дня Ранийя стала встречаться с Хасаном каждый вечер; уединившись с ним в спальне своего дома, она наставляла юношу в искусстве любви. Справедливо говорят, будто женщина – самое удивительное творение Аллаха. Именно Ранийя научила Хасана тому, что подаренное другому удовольствие непременно вернется к тебе сторицей. И каждый раз, когда

[2] Устод— общее название высококвалифицированных мастеров-ювелиров, бытующее на Ближнем и Среднем Востоке.

ей доводилось напомнить об этом юноше, она улыбалась тайком, ибо ей было доподлинно известно, сколь верны эти слова. Вот как получилось, что очень скоро Хасан сделался весьма искушенным и опытным любовником, и Ранийя наслаждалась его ласками даже еще больше, чем в бытность свою юной девушкой.

Но вот прошел месяц, и Ранийя объявила Хасану о своем скором отъезде. Юноша не стал расспрашивать, куда и зачем она едет, он спросил только, увидятся ли они еще когда-нибудь, и Ранийя ответила твердым «нет», хотя ей очень хотелось сказать «да». Потом она продала хозяину дома всю обстановку и вернулась через Врата лет в то время, из которого явилась.

И когда Хасан аль-Хуббаль возвратился из путешествия в Дамаск, Ранийя уже была дома и ждала его. Она радовалась возвращению мужа, но ей и в голову не пришло поделиться с ним своей тайной.

* * *

Башарат закончил свой рассказ, но я сидел, погруженный в глубокое раздумье, до тех пор, пока он не сказал:

– Я вижу, господин мой, эта история заинтересовала тебя больше, чем другие.

– Ты совершенно прав, ученый человек, – ответил я. – Теперь я понимаю, что, хотя прошлое действительно неизменно, каждый, кто побывает в нем, может столкнуться с большими неожиданностями.

– Совершенно верно, – промолвил Башарат. – И теперь, мой господин, тебе наверняка понятно, почему я утверждаю, будто прошлое и будущее ничем не отличаются друг от друга. Ни то ни другое человек не в силах изменить, зато он может лучше узнать то, что с ним было и что будет.

– Да, теперь я понимаю… Ты открыл мне глаза, и я тоже решил воспользоваться Вратами лет. Назови мне твою цену, о мудрец.

Но Башарат махнул рукой.

– Я не беру денег с тех, кто хочет пройти сквозь Врата. Этих людей посылает мне сам Аллах, а я рад служить его орудием.

Будь на месте Башарата кто-то другой, я бы решил, что эти слова – просто уловка, с целью вытянуть из меня как можно больше денег, однако после всего, что услышал, я не сомневался: ученый – человек искренний.

– Твоя щедрость столь же безгранична, сколь и твоя ученость, о мудрец, – сказал я и поклонился ему. – И если есть такая услуга, которую способен оказать тебе простой торговец тканями, достаточно обратиться ко мне.

– Благодарю тебя, господин, – ответил мне Башарат и, в свою очередь, поклонился. – А теперь давай поговорим о твоем путешествии. Мне нужно кое-что с тобой обсудить, прежде чем ты отправишься на двадцать лет в будущее.

– Прости, ученый человек, – возразил я, – но я вовсе не хочу путешествовать в будущее. – Я бы хотел воспользоваться Вратами, чтобы побывать в собственной юности.

– Увы, мой господин, это невозможно. Эти Врата не доставят тебя в дни твоей молодости, ибо сегодня исполняется ровно неделя с тех пор, как я их построил. Иными словами, двадцать лет назад в Багдаде еще не было Врат, через которые ты смог бы выйти.

Мое разочарование было столь глубоко, что я на мгновение утратил власть над собой и спросил тоном капризного ребенка:

– Но куда же, в таком случае, приведут эти Врата, если войти в них справа?

И, сказав так, я обошел Врата с той стороны, которая вела в прошлое. Башарат, немного помедлив, встал рядом со мной. Комната, которую я наблюдал сквозь кольцо из таинственного металла, на первый взгляд ничем не отличалась от той, что я видел, отводя взгляд немного

в сторону, однако, когда Башарат поднял руку, чтобы просунуть ее сквозь Врата, его пальцы словно наткнулись на какое-то невидимое препятствие. Приглядевшись повнимательнее, я заметил: огонек лампы в комнате за кольцом не колышется и не мигает. Он был совершенно неподвижен, словно какое-то волшебство поместило его внутри глыбы чистейшего янтаря!

– Сейчас, когда ты глядишь сквозь Врата, – сказал Башарат, внимательно за мной наблюдавший, – ты видишь комнату, какой она была неделю назад, но войти в нее нельзя. Только через двадцать лет люди смогут входить во Врата с этой стороны, чтобы побывать во времени, которое мы зовем нашим настоящим. Или, – добавил он и подвел меня к другой стороне Врат, – мы сами можем войти в них отсюда, чтобы навестить этих людей в будущем, но, боюсь, в собственной юности ты побывать не сможешь.

– А как насчет Врат, что находятся в Каире? – спросил я, и Башарат кивнул:

– Да, те Врата еще существуют и до сих пор находятся в лавке, которая принадлежит теперь моему сыну.

– Значит, чтобы вернуться на двадцать лет в прошлое, мне достаточно только поехать в Каир и воспользоваться тамошними Вратами. А когда я окажусь в прошлом, то смогу вернуться из Каира в Багдад с попутным караваном, как сделал бы это в настоящем! – воскликнул я.

– Да, мой господин, ты можешь совершить такое путешествие, если пожелаешь, – кивнул Башарат, пристально глядя на меня.

– Весьма желаю! – вскричал я. – Расскажи же мне, о мудрец, как отыскать в Каире лавку твоего сына?!

– Расскажу, – ответствовал ученый муж, – но сперва, как я уже говорил, мы должны кое-что обсудить. Я не спрашиваю, с каким намерением ты отправляешься в собственное прошлое; ты сам мне расскажешь, если захочешь. Но я должен еще раз напомнить тебе, мой господин: прошлое изменить нельзя. Свершившееся навсегда останется свершившимся.

– Я знаю, – сказал я.

– И ты не сможешь избежать несчастий и бед, пережить которые тебе суждено свыше. Ты должен с покорностью принимать все, что посылает тебе Аллах.

– Об этом я напоминаю себе каждый день во время намаза.

– Тогда я буду считать для себя великой честью помочь тебе, чем только смогу, – заключил Башарат.

Сказав так, он достал откуда-то лист тонкого пергамента, чернильницу и тростниковое перо-калям и принялся что-то писать.

– Это письмо поможет тебе в твоем путешествии, – промолвил он наконец и, сложив пергамент, накапал на него расплавленного воска и запечатал собственным перстнем. – Когда прибудешь в Каир, отдай это письмо моему сыну, и он позволит тебе пройти сквозь старые Врата.

Каждый торговец, если только он хочет чего-то добиться, должен уметь говорить красноречиво, однако, выражая Башарату свою признательность, я превзошел самого себя, а главное – каждое сказанное мною слово шло от чистого сердца. Ученый, в свою очередь, поблагодарил меня за теплые слова и подробно рассказал, как найти в Каире лавку его сына. Я уже собирался отправиться домой, чтобы начать готовиться к долгому путешествию, когда у меня в мозгу молнией сверкнула еще одна мысль.

– Если эти Врата открывают проход в будущее, – сказал я, – значит, ты можешь быть уверен, что и они, и эта твоя лавка-лаборатория простоят еще два десятилетия.

– Да, это так, – подтвердил Башарат.

Тут я хотел спросить Башарата, встречался ли он с собой будущим, но вовремя прикусил язык. Ведь если бы ответ был отрицательным, это наверняка означало бы, что к тому времени сей ученый уже умер, а расспрашивать его, знает ли он точную дату собственной смерти, показалось мне невежливым. Кто я такой, чтобы задавать подобные вопросы человеку, кото-

рый и без того оказал мне великую милость, даже не поинтересовавшись моими намерениями? Впрочем, по выражению лица Башарата мне было ясно: он понял, о чем я хотел спросить, и мне оставалось только молча поклониться в знак того, что я прошу у него прощения. Ученый коротко кивнул, дав мне понять, что извинения принимаются, после чего я попрощался с ним и наконец отправился домой.

Торговому каравану, с которым я отправился в путь, понадобилось два месяца, чтобы достичь Каира, и все это время мой ум был занят проблемой, о которой я ни слова не сказал Башарату. Дело в том, о великий халиф, что двадцать лет назад у меня была жена, которую звали Наджия. Она была стройна, как ива; лицом она была подобна луне, а глаза ее напоминали два сапфира чистейшей воды, но драгоценнее всего были ее добрая душа и нежное сердце, которые и привлекли меня к ней. Когда мы поженились, я только создавал свое дело, поэтому жили мы небогато; порой нам не хватало самого необходимого, однако мы были так счастливы, что ничего не замечали. Но прошел год, и я собрался в Басру, чтобы заключить сделку с капитаном невольничьего корабля. У меня появилась возможность неплохо поднажиться на торговле рабами, и я уже предвкушал изрядную прибыль, которая позволила бы мне расширить дело, но Наджия, которую я посвятил в свои планы, не одобрила моего намерения. Я напомнил жене, что согласно Корану правоверный может владеть рабами и не считаться грешником, если только он не станет слишком их притеснять, и что даже у самого Мухаммеда было несколько слуг-невольников. Но Наджия ответила, что я не могу знать, как будут относиться к рабам те, кто купит их у меня, поэтому, чтобы уберечься от греха, лучше продавать вещи, а не людей.

Я был молод тогда и не захотел уступить. Впервые со дня нашей свадьбы мы с Наджией поссорились, и я наговорил ей много такого, о чем мне и сейчас стыдно вспоминать, поэтому я прошу позволения Твоего Величества не повторять здесь мои слова. Все еще кипя от гнева, я уехал с караваном в Басру, а Наджия осталась дома одна. Увы, я больше никогда ее не видел… Через несколько дней после моего отъезда стена мечети, куда она всегда ходила, неожиданно обрушилась. Наджия была жестоко искалечена; ее извлекли из-под обломков и отвезли в городской бимаристан, но лекарь-табиб[3] не сумел спасти ее, и через два дня Наджия скончалась. О том, что произошло, я узнал только через неделю, когда вернулся в Багдад. О смерти любимой жены мне сообщили соседи, и я, о халиф, почувствовал себя так, словно убил ее своей собственной рукой!

Способны ли самые страшные адские муки сравниться с тем, что я испытывал в последующие несколько недель? Порой мне казалось, я вот-вот это узнаю, ибо горе мое едва не привело меня на порог смерти. Я остался жив, но мне до сих пор кажется: то, что я пережил тогда, очень похоже на вечное пламя, ибо горе мое не утихало, а напротив – продолжало сжигать меня изнутри, делая мои сердце и душу еще более уязвимыми и восприимчивыми к боли.

Но время – лучший целитель, и, хотя моя скорбь не стала меньше, я научился держать себя в руках и скрывать от людей свои страдания. Горе выжгло все внутри меня, я был наполовину мертв, и в душе моей царила пустота. Купленных рабов я, разумеется, сразу освободил и сосредоточился исключительно на торговле редкостными тканями. Прошло несколько лет, я стал очень богат, но, несмотря на то, что лет мне было немного, я так и не вступил в повторный брак, хотя многие из купцов, с которыми я вел дела, уверяли меня, будто любовь женщины поможет забыть о моем горе, и даже предлагали мне в жены своих сестер и дочерей. Возможно, они были по-своему правы, но они не знали главного: ни с одной, даже самой красивой женщиной я не смог бы забыть боль, которую причинил Наджие. Во всяком случае, каждый раз, стоило мне только задуматься о новом браке, я вспоминал выражение глубокой обиды на лице моей суженой, и сердце мое оставалось закрытым для других женщин.

---

[3] Табиб (*арабск.*) – лекарь, врач.

Однажды я рассказал о своем поступке мулле нашей мечети. Это он сказал, что перечеркнуть прошлое помогут мне только раскаяние и стремление исправиться. И я каялся снова и снова, как только мог: двадцать лет я вел жизнь праведника, молился больше всех, подавал милостыню, делал пожертвования мечетям и медресе и даже совершил паломничество в Мекку, но чувство вины по-прежнему не оставляло меня. Аллах милосерден, поэтому я знал, дело было во мне одном.

Если бы Башарат прямо спросил меня, что я собираюсь предпринять, вернувшись в свою молодость, я бы не знал, что ему ответить. Из того, что он мне рассказал, совершенно недвусмысленно следовало: я ничего не смогу изменить. Во всяком случае, тогда никто не помешал мне наговорить Наджие обидных слов и уехать. Но то, что Башарат рассказывал о самоотверженном поступке Ранийи, о котором Хасан-канатчик так ничего и не узнал, позволяло мне надеяться. Возможно, размышлял я, мне тоже удастся каким-то образом принять участие в событиях, пока более молодой «я» будет в отъезде.

В конце концов, разве не могло оказаться, что произошла ошибка и моя Наджия осталась в живых? Быть может, не ее, а какую-то другую женщину завернули в саван и предали земле, пока я путешествовал в Басру и обратно. Вопреки всему я продолжал надеяться, что мне удастся спасти Наджию и вместе с ней вернуться в мое время – в Багдад, в котором я жил сейчас. В глубине души я понимал, что надеяться глупо. Не зря говорится, что нельзя вернуть четыре вещи: сказанное слово, вылетевшую из лука стрелу, прошлую жизнь и упущенную возможность. И все же я не отступал от своего замысла, веря, что Аллах счел прошедшее двадцатилетие, наполненное сокрушением и раскаянием, достаточной платой за мой грех и теперь дает мне шанс вернуть потерянное.

Путешествие мое прошло спокойно. Шестьдесят восходов и триста намазов спустя я оказался в Каире и принялся блуждать по его напоминающим лабиринт узким, кривым улочкам, ибо по сравнению с гармоничным и прекрасным Городом Мира планировка Каира оставляет желать много лучшего. Наконец я добрался до Байн-уль-Кесрайна – главной улицы, которая пересекает каирский квартал Фатимидов, а вскорости отыскал и улочку, где стояла лавка Башарата.

Хозяину лавки я сказал, что недавно приехал из Багдада, где разговаривал с его отцом, и передал ему письмо, которое вручил мне Башарат. Прочтя его, сын Башарата провел меня в заднюю комнату, в центре которой стояли еще одни Врата лет, и жестом показал мне, чтобы я вошел в них с правой стороны.

Стоя перед массивным металлическим обручем, я почувствовал, как по коже пробежал легкий холодок, но тотчас упрекнул себя за малодушие. Глубоко вздохнув, я сделал шаг вперед и оказался в той же комнате, которая, однако, была обставлена совершенно иначе. Если бы не это, я бы ничего не заметил, поскольку пройти сквозь Врата лет так же просто, как сквозь обычную дверь. Тут же я понял и причину охватившей меня дрожи, ибо день, в который я прибыл, был намного прохладнее, чем тот, который я покинул. Теперь из Врат мне в спину дул легкий теплый ветерок, похожий на вздох.

Оказалось, что владелец лавки последовал за мной. Остановившись подле меня, он окликнул кого-то:

– Отец, к тебе гость!

Тотчас в комнату вошел мужчина средних лет. Не иначе – Башарат, но выглядел он гораздо моложе, чем при нашей последней встрече в Багдаде.

– Добро пожаловать, мой господин, – приветствовал он меня. – Я Башарат. Как твое имя?

– Разве ты не знаешь меня? – удивился я.

– Нет, мой господин. Ты, должно быть, виделся со мной более поздним, но для меня это первая встреча с тобой. Чем могу служить, господин мой?

Здесь, о могущественный халиф, я должен упомянуть еще об одном своем промахе, ибо я, ничтожнейший из смертных, всю жизнь совершал одни лишь ошибки. Путешествуя из Багдада в Каир, я так глубоко ушел в раздумья о собственных несчастьях, что мне даже не пришло в голову – ведь Башарат, которого я увидел в своем времени, наверняка узнал меня, как только я вошел в его лавку. Я еще только восхищался его водяными часами и медным соловьем, а он уже знал, что я отправлюсь в Каир и обратно, а главное – ему наверняка было известно, достиг я своей цели или нет.

Но ранний Башарат, конечно же, ничего об этом не знал.

– Я вдвойне благодарен тебе за твою доброту, ученый человек, – поклонился я. – Мое имя Фувад ибн-Аббас, и я только что приехал в Каир из Багдада.

Тут сын Башарата куда-то вышел, а мы с ученым немного побеседовали. Я спросил у него, какой сегодня день, месяц и год, и убедился, что у меня как раз хватит времени на возвращение в Багдад моей юности с одним из торговых караванов. А прежде чем расстаться с ним, я пообещал ученому рассказать все по возвращении.

Ранний Башарат оказался столь же любезен, как и его более поздний двойник.

– Я буду с нетерпением ждать твоего возвращения, мой господин, чтобы двадцать лет спустя снова помочь тебе, чем только смогу, – сказал он, вежливо кланяясь.

Признаюсь, его последние слова меня несколько озадачили.

– Скажи, о ученый человек, собирался ли ты открыть лавку в Багдаде, до того как увидел меня сегодня? – спросил я.

– Почему тебя это интересует, мой господин?

– Мне кажется воистину удивительным, что в будущем мы с тобой встретились в Багдаде именно за столько времени до известного мне события, – с поправкой, разумеется, на минувшее двадцатилетие, – сколько необходимо, чтобы добраться сюда, воспользоваться Вратами и снова вернуться в Багдад, ибо человек, которого я ищу, находится именно там. Впрочем, – добавил я, – по зрелом размышлении я начинаю сомневаться в случайности произошедшего. Скажи мне откровенно, ученый человек, не является ли мое появление здесь сегодня главной причиной, заставившей тебя перебраться в Багдад, чтобы быть там двадцать лет спустя? Я, например, больше не верю в подобные случайности.

Башарат улыбнулся.

– Случайность и необходимость – две стороны одного ковра, мой господин. И хотя одна из них выглядит гораздо приятнее для глаза, нельзя делать вид, будто одно может существовать без другого.

– И снова, о мудрец, ты дал мне пищу для размышлений, – сказал я и, поблагодарив младшего Башарата, попрощался с ним. Когда я уже покидал его каирскую лавку-мастерскую, навстречу мне попалась какая-то женщина, которая так торопилась войти, что даже слегка толкнула меня. Приветствуя женщину, Башарат назвал ее Ранийей, и это заставило меня остановиться. Сквозь дверь я хорошо слышал, как она сказала:

– Мое ожерелье у меня. Надеюсь, более поздняя «я» его тоже не потеряла…

– Я совершенно уверен, что оно никуда не делось, ибо навряд ли ты забудешь о своем грядущем визите, – отвечал Башарат.

Тут я понял, кто была эта женщина. Ранийя из рассказа о Хасане-канатчике!.. Судя по тому, что я сейчас слышал, она как раз собиралась навестить себя в будущем, чтобы вместе с самой старшей Ранийей вернуться в дни собственной юности и спасти мужа от разбойников, введя их в заблуждение двумя точными копиями драгоценного ожерелья. На мгновение я задумался, уж не сплю ли, ибо мне казалось, что я каким-то чудом оказался в сказке и могу не только разговаривать с ее персонажами, но и принимать участие в событиях. Голова моя пошла кругом. Мне даже захотелось дождаться Ранийю, заговорить с ней и, быть может, сыграть хоть небольшую роль в удивительной истории, которую двадцать лет спустя расскажет мне Баша-

рат, но я вовремя вспомнил историю своей собственной жизни, которая была так не похожа на волшебную сказку. В конце концов я решил не вмешиваться и вместо этого поспешил на базарную площадь, дабы найти подходящий караван, отправляющийся в Багдад.

Увы, о халиф, на собственном горьком опыте мне суждено было убедиться в справедливости поговорки, гласящей, что Судьба зло смеется над планами смертных. Поначалу мне везло: я быстро нашел подходящий караван и договорился, чтобы караванщики взяли меня с собой. Но стоило нам отправиться в путь, как у меня появилось достаточно поводов проклясть злой рок, ибо в пути нас ожидали многочисленные препятствия. В городке на расстоянии одного перехода от Каира все колодцы оказались сухими, и нам пришлось вернуться за дополнительным запасом воды. В следующем населенном пункте стражники, сопровождавшие караван, заболели какой-то желудочной болезнью, и мы вынуждены были ждать, пока они поправятся. Каждая такая задержка еще больше отодвигала первоначальную дату прибытия в Багдад, и я, заново рассчитывая время в пути, все больше и больше тревожился. Песчаные бури, начавшиеся, как только мы вступили в пустыню, казались мне предостережением свыше, так что я даже начал сомневаться в разумности собственного плана. К счастью, когда налетел первый самум, мы отдыхали в караван-сарае к западу от Куфы, так что никто из нас не погиб, однако и двигаться дальше мы не могли. Один ураган налетал за другим; порой небо светлело, но стоило нам навьючить верблюдов, как снова разражалась буря, и мы вынужденно оставались на месте. День гибели Наджии приближался, а я почти отчаялся вовремя добраться до места. Напрасно я пытался подкупить погонщиков, предлагая им золото и умоляя отвезти меня в Багдад одного, – никто не соглашался. В конце концов я все же уговорил одного из них продать мне своего верблюда за баснословную цену и в тот же день отправился. Свирепые песчаные бури бушевали по-прежнему, поэтому в первые дни я двигался очень медленно, но спустя примерно неделю ветер улегся, и мой верблюд перешел на более быстрый шаг. Увы, без стражи, охранявшей в пути каждый караван, я был легкой добычей для каждого, кто мог позариться на мои деньги, и два дня спустя меня действительно остановила шайка разбойников. Они отняли у меня верблюда и остатки золота, но сохранили жизнь. После этого мне не оставалось ничего другого, кроме как пешком отправиться назад, навстречу каравану. Небо, как назло, было совершенно безоблачным, и я ужасно страдал от жары и жажды, ибо воды разбойники оставили мне совсем мало. Когда караван наконец подобрал меня в песках, язык мой распух, а губы потрескались, словно высушенная солнцем грязевая корка. Денег у меня больше не было; теперь мне оставалось только уповать на милость Аллаха, ибо тяжело нагруженный караван двигался медленно.

Подобно тому, как увядающая роза один за другим теряет свои лепестки, так с каждым днем таяли и мои надежды. К тому времени, когда наш караван достиг Багдада, я уже понял, что опоздал, и все же, когда мы въезжали в городские ворота, я не удержался и спросил у стражника, слышал ли он что-нибудь об обрушившейся мечети. Стражник ничего не знал о происшествии, и в сердце моем вновь затеплилась надежда. Я уже решил, что неправильно запомнил точную дату и, несмотря на многочисленные препятствия, все же успел в Багдад вовремя, но товарищ первого стражника, слышавший мой вопрос, разом разрушил мои надежды, подтвердив: мечеть в квартале Карх обрушилась буквально вчера. Его слова, произнесенные легким, почти небрежным тоном, ударили меня, словно топор палача. Я понял, что совершил свое невероятное путешествие только затем, чтобы во второй раз услышать страшную весть о смерти любимой жены.

Расставшись с караванщиками, я отправился в квартал Карх и долго стоял там над грудами кирпича, где была когда-то стена мечети. Раньше я никогда не видел этой картины воочию, но воображал ее бессчетное количество раз: достаточно сказать, что на протяжении двух десятилетий это зрелище каждую ночь являлось мне во сне. Увы, в прошлом мне нужно было только открыть глаза, чтобы избавиться от кошмара, но сейчас я не спал – а груды кир-

пичей никак не желали исчезать. Более того, теперь они выглядели грубо-вещественно, осязаемо-реально, и этого я уже не мог вынести. Отвернувшись, я побрел, куда несли меня ноги, не замечая ничего вокруг. Очнулся я только перед дверями своего прежнего дома, куда пришел, должно быть, просто по привычке. Когда-то я жил здесь с Наджией. Стоя на улице и не решаясь зайти внутрь, я предавался воспоминаниям, и сердце мое снова обливалось кровью, однако на этот раз горе мое было даже глубже.

Не знаю, сколько времени я так простоял. Очнулся я, только когда ко мне подошла какая-то молодая женщина.

– Прости, господин мой, – сказала она, – я ищу дом Фувада ибн-Аббаса. Не скажешь ли, где его найти?

– Вот этот дом, – сказал я, указывая на собственную дверь.

– А твое имя не Фувад ибн-Аббас?

– Да, это мое имя, – машинально ответил я, совершенно забыв, что как раз сейчас настоящий «я» должен был быть где-то на пути в Басру. – Но прошу тебя: кем бы ты ни была, оставь меня в покое. Сейчас я не могу с тобой говорить.

– Прости меня, господин, но мое дело очень важное. Меня зовут Маймуна, я помогаю табибам в бимаристане. Твоя жена скончалась у меня на руках.

Я повернулся к женщине.

– Ты провела с Наджией ее последние часы?

– Да, господин. Перед смертью она попросила меня кое-что тебе сказать, и я поклялась, что исполню ее желание.

– Что же она просила мне сказать, что?! – воскликнул я вне себя от волнения.

– Госпожа велела передать тебе, что она вспоминала тебя до самого конца и что, хотя ее жизнь оказалась слишком короткой, она чувствует себя счастливой, потому что Аллах послал ей тебя.

При этих словах по моим щекам заструились слезы, и Маймуна поспешно добавила:

– Прости, господин, если я причинила тебе боль…

– Мне не за что прощать тебя, дитя. Совсем наоборот – даже если бы я до конца дней моих ежечасно благодарил тебя за твои слова, я все равно остался бы перед тобой в неоплатном долгу.

– Скорбь никому ничего не должна, господин. Да пребудет с тобой мир и благословение Аллаха.

– И с тобой, дитя…

Маймуна ушла, а я отправился бродить по улицам родного Багдада. По моему лицу все еще текли слезы, но то были слезы не горя, а облегчения. Вспоминая слова Башарата, я поражался их глубине и мудрости. Прошлое и будущее ничем не отличаются друг от друга, сказал ученый. Человек не в силах изменить ни того ни другого, зато он может лучше узнать и то и другое. Мое путешествие в прошлое не отменило произошедших событий, но то, что мне удалось узнать, изменило все, и я наконец понял, что иначе просто не могло быть. Если наши жизни – это истории, которые рассказывает Аллах, то сами мы не только слушатели, но и участники событий и, проживая собственные жизни, извлекаем из них полезные уроки.

Наступила ночь, прозвучал сигнал погасить огни, а я все бродил по улицам Багдада в своей грязной и пыльной одежде, пока меня не остановила ночная стража. Воины спросили, кто я такой, и я назвал им свое имя и место жительства, но, когда меня отвели к моему дому и предъявили соседям, никто из них не признал во мне Фувада ибн-Аббаса, который, как всем было хорошо известно, уехал из города три дня назад.

Так я оказался в городской тюрьме. Там я рассказал капитану городской стражи мою историю, и он нашел ее довольно занимательной, хотя и не поверил ни единому слову. Да и кто бы поверил?! Тогда я припомнил несколько фактов, относящихся к последним двадцати

годам моей исполненной горестей жизни, и сообщил ему, что твой внук, о халиф, родится альбиносом. Через несколько дней распространившиеся по городу слухи подтвердили мои слова. Дошли они и до капитана, и он доставил меня к старшине квартала, а тот, выслушав мою историю, велел отправить меня во дворец к твоему визирю. Когда же и визирь узнал о моих злоключениях, он счел возможным привести меня в этот зал и поставить пред твоими очами, о халиф, надежда и опора правоверных!

Теперь и ты, владыка, знаешь мою историю, которая удивительным образом догнала мою жизнь, и только ты, о мудрейший из мудрых, можешь решить, что будет со мной дальше. Мне известно множество событий, которые произошли – или произойдут – в Багдаде в течение ближайших двадцати лет, но я ничего не знаю о том, какой будет моя собственная дальнейшая судьба. У меня совсем не осталось денег, чтобы вернуться в Каир и пройти сквозь Врата лет в обратном направлении, и все же я почитаю себя счастливейшим из смертных, ибо я один из немногих, кто сумел побывать в прошлом и узнать, какие средства великий Аллах дарует своим последователям для исправления собственных ошибок. Я буду счастлив, о халиф, открыть тебе будущее и рассказать все, что мне известно о грядущих событиях, однако самым драгоценным своим знанием я считаю слова, которые сказал мне Башарат. Ничто не в силах перечеркнуть прошлое. У человека, желающего исправить совершенную им ошибку, есть только покаяние, искупление и прощение. И хотя кому-то может показаться, что это совсем немного, на самом деле этого больше чем достаточно!

Выдох

Издавна говорят, что воздух (который другие называют аргоном) есть источник жизни. В действительности это не так, и я запечатлею эти слова, чтобы объяснить, как я понял истинный источник жизни, а заодно и способ, которым жизнь однажды закончится.

На протяжении большей части истории предположение, что мы черпаем жизнь из воздуха, казалось столь очевидным, что не нуждалось в проверке. Каждый день мы потребляем два легких, накачанных воздухом; каждый день вынимаем из грудной клетки опустевшие легкие и заменяем полными. Если человек небрежен и позволяет уровню своего воздуха упасть слишком низко, он ощущает тяжесть в конечностях и растущую потребность в пополнении ресурса. Крайне редко кому-то не удается достать хотя бы одно сменное легкое, прежде чем стоящая в нем пара опустеет; в таких злосчастных случаях – если человек в ловушке и обездвижен, а рядом нет никого, чтобы ему помочь, – он умирает через несколько секунд после того, как кончается воздух.

Однако при обычных обстоятельствах мы не задумываемся о своей потребности в воздухе, и многие из нас могли бы сказать, что ее удовлетворение является наименее значимым поводом для визита на заправочную станцию. Ведь заправочные станции – главное место для социальных бесед, где мы черпаем не только физическую пищу, но и духовную. Все мы держим дома запасные наборы полных легких, но, когда ты один, процесс вскрытия грудной клетки и замены легких может показаться рутиной. Однако в компании других он становится общественной деятельностью, разделенным удовольствием.

Если человек очень занят или не хочет общаться, он может просто взять полные легкие, установить и оставить пустую пару на другой стороне комнаты. Если у него есть несколько свободных минут, из вежливости следует подсоединить пустые легкие к воздухораздаточной колонке, чтобы наполнить их для следующего пользователя. Но большинство людей задерживаются и наслаждаются компанией других, обсуждают последние новости с друзьями или знакомыми и, мимоходом, предлагают собеседнику заполненные свежим воздухом легкие. Возможно, в прямом смысле нельзя сказать, что мы дышим одним воздухом, но есть в этом чувство товарищества, которое возникает из осознания, что у всего нашего воздуха – один источник, ведь воздухораздаточные колонки – не что иное, как выходные терминалы труб, тянущихся от воздушного резервуара глубоко под землей, великого мирового легкого, родника всего нашего питания.

Многие легкие возвращают на ту же заправочную станцию на следующий день; однако не меньшее их количество оказывается на других станциях, когда люди посещают соседние округа; все легкие на вид одинаковы – гладкие алюминиевые цилиндры, – и нельзя сказать, провела ли данная конкретная пара всю свою жизнь рядом с домом или же путешествовала на дальние расстояния. Легкие переходят от человека к человеку и из округа в округ – совсем как новости и сплетни. Таким образом можно узнать, что происходит в далеких округах, не выходя из дома, хотя лично я люблю путешествовать. Я побывал на самом краю света и видел сплошную стену из хрома, что тянется от земли в небесную высь.

На одной из заправочных станций я впервые услышал о том, что побудило меня к расследованию и в конце концов привело к просветлению. Все началось весьма невинно, с замечания нашего окружного глашатая. В полдень первого дня каждого года глашатай традиционно декламирует отрывок из поэмы, оды, сочиненной много лет назад для этого торжества, и чтение этого отрывка занимает ровно час. Глашатай заметил, что во время его последнего выступления часы на башне пробили час, прежде чем он закончил; раньше такого никогда не случалось. Другой человек сказал, что это было совпадение, поскольку он сам только что вернулся из соседнего округа, где глашатай пожаловался на такое же несоответствие.

Все просто признали сей факт, не придав ему особого значения. Лишь несколько дней спустя, когда мы узнали о таком же расхождении между глашатаем и часами в третьем округе, было высказано предположение о том, что расхождения эти могут свидетельствовать о дефекте механизма, общего для всех башенных часов, хотя дефект этот был любопытным, раз заставлял часы идти быстрее, а не медленнее. Часовщики осмотрели означенные башенные часы, но не обнаружили никаких поломок. Напротив, сравнение с хронометрами, обычно используемыми для подобной калибровки, показало, что все башенные часы вновь идут верно.

Мне эта загадка показалась весьма интригующей, но я был слишком занят своими исследованиями, чтобы уделять внимание другим вопросам. Я был и остаюсь ученым-анатомом, и, чтобы предоставить контекст для моих последующих действий, сперва кратко опишу свои взаимоотношения с этой сферой.

К счастью, смерти случаются нечасто, поскольку мы выносливы, а фатальные несчастные случаи редки, но это затрудняет изучение анатомии, в первую очередь потому, что происшествия, достаточно серьезные, чтобы оказаться смертельными, приводят к сильным повреждениям тела. Если взрываются наполненные легкие, взрывная сила может разнести тело в клочки, порвав титан, будто простую жесть. В прошлом анатомы сосредотачивали свое внимание на конечностях, которые имели больше всего шансов уцелеть. На самой первой лекции по анатомии, которую я посетил столетие назад, лектор продемонстрировал нам оторванную руку со снятым кожухом, чтобы мы увидели плотную колонну рычагов и поршней, скрывавшихся внутри. Я прекрасно помню, как, подсоединив артериальные шланги к установленному на стене легкому, которое он держал в лаборатории, лектор смог управлять приводными рычагами, выступавшими из зазубренного основания руки, чья ладонь в ответ судорожно сжималась и разжималась.

За прошедшие годы наша область достигла той стадии, когда анатомы способны восстанавливать поврежденные конечности, а иногда и присоединять оторванные. Одновременно мы научились изучать физиологию живых. Я читаю свою версию той первой лекции, которую посетил, и в ходе нее открываю кожух моей собственной руки и привлекаю внимание студентов к рычагам, которые сокращаются и вытягиваются, когда я шевелю пальцами.

Несмотря на эти успехи, анатомия по-прежнему скрывает в своем сердце неразгаданную тайну: вопрос памяти. Мы немного знакомы со строением головного мозга, но его физиологию чрезвычайно трудно изучать по причине крайней хрупкости этого органа. В ходе смертельных несчастных случаев, когда повреждается череп, мозг обычно взрывается золотым облаком, оставляя лишь изорванное волокно и листы, из которых нельзя почерпнуть ничего полезного. На протяжении десятилетий главенствующая теория памяти заключалась в том, что весь жизненный опыт конкретного человека выгравирован на листах золотой фольги; именно эти листы, очевидно, порванные взрывом, являлись источником крошечных хлопьев, которые обнаруживали после несчастных случаев. Анатомы собирали клочки золотого листа – такие тонкие, что свет проходил сквозь них, становясь зеленоватым, – и проводили годы в попытках восстановить исходные листы, в надежде наконец расшифровать символы, которыми были записаны последние переживания усопшего.

Я не являлся приверженцем этой теории, известной как гипотеза надписей, по той простой причине, что если бы все наши переживания действительно были записаны, то почему наши воспоминания неполны? Сторонники гипотезы надписей объясняют забывчивость тем, что со временем листы фольги смещаются по отношению к стилусу, который считывает воспоминания, и старейшие листы полностью теряют с ним контакт, но мне это объяснение никогда не казалось убедительным. Однако я понимал привлекательность этой теории; я сам провел множество часов, изучая золотые хлопья под микроскопом, и могу представить, как радостно было бы повернуть ручку тонкой настройки – и увидеть, как обретают резкость различимые символы.

Более того, как чудесно было бы расшифровать самые первые воспоминания усопшего, которые он сам позабыл. Никто из нас не помнит, что было больше ста лет назад, а записи – отчеты, которые составили мы сами, хотя и позабыли об этом – уходят лишь еще на несколько веков в прошлое. Сколько лет мы прожили до начала письменной истории? Откуда пришли? Именно надежда отыскать ответы в собственном мозгу делает теорию надписей столь привлекательной.

Я был сторонником соперничавшего с ней научного учения, согласно которому наши воспоминания хранились на некоем носителе, для которого процесс стирания был не сложнее процесса записи – быть может, угол поворота шестеренок или положение набора переключателей. Эта теория предполагала, что все, забытое нами, утрачено навеки и наш мозг не хранит историй старше, чем те, что есть в библиотеках. Преимущество этой теории заключалось в том, что она лучше объясняла, по какой причине при установке новых легких умершим от нехватки воздуха они оживали без каких-либо воспоминаний, в буквальном смысле без ума; шок смерти неким образом сбрасывал на исходные позиции все шестерни или переключатели. Надписники утверждали, что этот шок лишь смещал листы фольги, однако никто не желал убивать живое существо, даже умственно отсталое, чтобы разрешить спор. Я придумал эксперимент, который позволил бы установить истину раз и навсегда, но он был рискованным и требовал тщательной предварительной подготовки. Я очень долго пребывал в нерешительности, пока не услышал очередные новости о часовой аномалии.

Из отдаленного округа пришла весть: местный глашатай так же заметил, что башенные часы пробили час, прежде чем он закончил новогоднюю декламацию. Примечательным было то, что часы этого округа имели другой механизм, в котором прохождение часа отмечало перетекание ртути в чашу. Здесь несовпадение нельзя было списать на обычную механическую ошибку. Большинство людей заподозрили обман, розыгрыш, устроенный некими шутниками. У меня возникли другие подозрения, более мрачные, которые я не осмелился озвучить; однако они определили мои дальнейшие действия. Я решил провести эксперимент.

Первый сделанный мной инструмент был самым простым: в своей лаборатории я установил в монтажные кронштейны четыре призмы и аккуратно выровнял так, чтобы их вершины образовывали углы прямоугольника. Теперь луч света, направленный на одну из нижних призм, отражался вверх, затем назад, затем вниз и наконец снова вперед четырехсторонней петлей. Соответственно, сев так, чтобы мои глаза находились на уровне первой призмы, я отчетливо видел собственный затылок. Этот солипсический перископ лег в основу всего эксперимента.

Аналогичная прямоугольная конструкция из приводных рычагов позволила добавить смещение действия к смещению зрения, которое давали призмы. Рычажный блок был намного массивней перископа, но все равно представлял собой весьма незамысловатое устройство; однако то, что находилось на конце этих механизмов, было намного более сложным. К перископу я добавил бинокулярный микроскоп, установленный на каркасе, который можно было перемещать из стороны в сторону и вверх-вниз. Приводные рычаги я снабдил набором прецизионных манипуляторов, хотя это описание вряд ли уместно для сих шедевров механического искусства. Объединяя в себе находчивость анатомов с вдохновением, которое они черпали из телесных структур, манипуляторы позволяли оператору выполнить любую задачу, которую он обычно выполнял руками, но в намного меньшем масштабе.

Сбор всего этого оборудования занял месяцы, но я должен был проявить крайнюю тщательность. Закончив с приготовлениями, я получил возможность при помощи набора ручек и рычагов управлять парой манипуляторов, находившихся за моей головой, и в перископ видеть, что они делают. Теперь я смогу препарировать собственный мозг.

Знаю, сама эта идея кажется чистым безумием, и, расскажи я о ней коллегам, они бы попытались меня остановить. Но я не мог попросить кого-то другого рискнуть собой во имя

анатомического исследования и, поскольку желал проводить операцию самолично, не мог согласиться на роль пассивного пациента. Единственным вариантом было аутопрепарирование.

Я принес дюжину полных легких и соединил их трубками, после чего установил эту конструкцию под рабочим столом, за которым собирался сидеть, и напрямую подключил распределитель к бронхиальным входам в моей грудной клетке. Это обеспечит меня воздухом на шесть дней. На случай, если я не успею завершить эксперимент к этому времени, я договорился о визите коллеги в конце данного периода. Однако я полагал, что не закончу эксперимент лишь в том случае, если убью себя.

Первым делом я снял изогнутую пластину, образовывавшую затылок и макушку моей головы, затем две более ровные пластины, формировавшие бока. Осталась только лицевая пластина, однако она была закреплена ограничительным кронштейном, и я не видел ее внутренней поверхности в свой перископ; я видел собственный мозг. Он состоял из дюжины блоков, закрытых сложными литыми корпусами; установив перископ рядом с разделявшими эти корпуса просветами, я смог наконец заглянуть в легендарные механизмы внутри. Даже то немногое, что я увидел, позволило мне сказать, что это самая прекрасная в своей сложности машина из всех, что я когда-либо встречал; она настолько превосходила творения человека, что ее происхождение явно было божественным. Зрелище это вызывало одновременно восторг и головокружение, и я несколько минут эстетически наслаждался им, прежде чем перейти к исследованиям. Считалось, что мозг делится на механизм, расположенный в середине головы и выполняющий собственно мыслительную деятельность, и набор компонентов, в которых хранятся воспоминания. Увиденное мной согласовывалось с этой теорией: периферические блоки были похожи друг на друга, в то время как блок в центре казался другим, более неоднородным и с большим числом подвижных деталей. Однако структуры располагались слишком плотно, чтобы увидеть их работу; если я хочу узнать что-то еще, придется подобраться поближе.

Каждый блок был оснащен собственным воздушным резервуаром, к которому шел шланг от регуляторного клапана в основании моего мозга. Я навел перископ на самый задний блок и при помощи дистанционных манипуляторов быстро отключил выходной шланг и заменил более длинным. Я провел множество тренировок, чтобы выполнить эту процедуру за считаные секунды; и все же не был уверен, что смогу подсоединить шланг, прежде чем блок исчерпает содержимое своего резервуара. Лишь удостоверившись, что работа блока не нарушилась, я двинулся дальше: передвинул более длинный шланг, чтобы лучше видеть содержимое просвета за ним, а именно другие шланги, соединявшие этот блок с соседними. Используя тончайшую пару манипуляторов, я проник в узкую щель и по очереди заменил шланги на более длинные. Наконец я обошел весь блок и заменил каждое его соединение с другими частями моего мозга. Теперь я мог снять этот блок с рамы, на которой он крепился, и извлечь всю секцию из того, что прежде было моим затылком.

Я понимал, что, вполне возможно, нарушил свои мыслительные способности, сам того не осознавая, но результаты простых арифметических тестов свидетельствовали об отсутствии повреждений. Теперь, когда один блок свисал с каркаса над головой, я смог лучше разглядеть мыслительный механизм в середине моего мозга, но места оказалось недостаточно, чтобы подвести к нему микроскоп для более тщательного изучения. Если я хотел действительно исследовать работу мозга, предстояло снять не меньше полудюжины блоков.

С утомительным тщанием я повторил процедуру замены шлангов на других блоках, переместив еще один глубже, два выше и два вбок, так, что все шесть блоков теперь свисали с каркаса над моей головой. Когда я закончил, мой мозг напоминал взрыв через крошечную долю секунды после детонации, и, подумав об этом, я вновь испытал головокружение. Однако я наконец получил доступ к мыслительному механизму, лежавшему на столбе из шлангов и приводных рычагов, которые уходили вниз в мое туловище. У меня также было достаточно места,

чтобы повернуть микроскоп на триста шестьдесят градусов и осмотреть внутренние поверхности перемещенных мной блоков. Я увидел микрокосм золотых механизмов, ландшафт крошечных вращающихся роторов и миниатюрных поршневых цилиндров.

Созерцая эту картину, я задумался, где мое тело. Средства передачи информации, заменившие мне зрение и действия, принципиально ничем не отличались от тех, что связывали мои исходные глаза и руки с моим мозгом. Разве в ходе эксперимента эти манипуляторы не были по сути моими руками, а увеличивающие линзы на перископе – глазами? Я был вывернут наизнанку, мое крошечное фрагментированное тело располагалось в центре моего собственного раздувшегося мозга. В столь невероятном состоянии я начал исследовать себя.

Я настроил микроскоп на один из блоков памяти и принялся изучать его конструкцию. Я не ожидал, что смогу расшифровать свои воспоминания; лишь надеялся, что мне удастся понять, каким образом они записаны. Как я и предполагал, я не увидел никаких стопок страниц из фольги, но, к моему изумлению, не было там и собраний шестеренок или переключателей. Вместо этого блок, казалось, состоял почти исключительно из воздушных трубочек. Сквозь просветы между трубочками я увидел волны, пробегавшие внутри блока.

Посредством тщательного осмотра, повышая увеличение, я выяснил, что трубочки разветвлялись на крошечные воздушные капилляры, а те, в свою очередь, образовывали плотное переплетение с проволочками, к которым крепились золотые листы. Выходивший из капилляров воздух придавал листам различные положения. Листы эти не были переключателями в общепринятом смысле, поскольку не удерживали позиции без потока воздуха, но я предположил, что искал именно их, что это был материал для записи моих воспоминаний. Увиденные мной волны, очевидно, были актами процесса вспоминания, в ходе которого расположение листов считывалось и отправлялось в мыслительный аппарат.

Вооруженный этим новым знанием, я настроил микроскоп на мыслительный механизм. В нем я тоже обнаружил переплетение проволочек, но листы на них не висели в определенных положениях, а трепетали слишком быстро, чтобы увидеть глазом. В действительности казалось, что движется почти весь аппарат, состоявший больше из проволоки, чем из воздушных капилляров, и я задумался, каким образом воздух может согласованно достигать всех золотых листов. На протяжении многих часов я изучал листы, пока не понял, что они сами выполняют функцию капилляров; листы формировали трубопроводы и клапаны, которые существовали столько времени, сколько требовалось, чтобы перенаправить воздух на другие листы, а потом в результате исчезали. Это был механизм, претерпевавший постоянные изменения, модифицировавший себя в ходе работы. Проволочное плетение было не столько аппаратом, сколько страницей, на которой был записан аппарат и на которой он сам непрерывно писал.

Можно было сказать, что мое сознание записано в положениях этих крошечных листов, но точнее было бы выразиться, что его кодировал постоянно менявшийся рисунок воздуха, колыхавшего эти листы. Наблюдая за колебаниями этих золотых хлопьев, я увидел, что воздух не просто, как мы всегда полагали, обеспечивает энергией механизм, формирующий наши мысли. На самом деле воздух являлся самой материей наших мыслей. Мы представляли собой рисунок воздушных токов. Мои воспоминания были записаны не в бороздках на фольге и даже не в положении переключателей, а в постоянных потоках аргона.

В мгновения после того, как я постиг природу этого плетеного механизма, озарения каскадом хлынули в мое сознание. Первое и простейшее заключалось в том, почему золото, самый мягкий и пластичный из металлов, было единственным подходящим материалом для наших мозгов. Лишь тончайшие листы фольги могли двигаться достаточно быстро, чтобы обеспечить работу подобного механизма, и лишь самые тонкие нити могли играть для них роль петель. По сравнению с ними медная стружка, которую снимает мой стилус, когда я выцарапываю слова, и которую я сметаю с каждого законченного листа, груба и тяжела. Это действительно был мате-

риал, позволявший быстро осуществлять запись и стирание, намного быстрее, чем положение переключателей или шестеренок.

Далее я понял, почему установка полных легких в человека, скончавшегося от удушья, не возвращала его к жизни. Листы в плетении балансировали между непрерывно формировавшимися воздушными подушками. Это позволяло им быстро перемещаться вперед и назад – а также означало, что, если поток воздуха прервется, все пропадет; все листы одинаково обвиснут, стерев паттерны и мысли, которые собой представляли. Восстановив поступление воздуха, мы не вернем утраченного. Такова была цена скорости; более стабильная среда для хранения паттернов значительно замедлила бы работу нашего разума.

Тогда-то я и нашел разгадку часовой аномалии. Я увидел, что скорость движения листов зависела от токов воздуха; при достаточном токе они могли двигаться, почти не испытывая силы трения. Если они двигались медленнее, значит, подвергались трению, которое могло возникнуть лишь при том условии, что поддерживавшие их воздушные подушки были тоньше, а воздух проходил через плетение с меньшей силой.

Башенные часы не спешили. Это наши мозги стали работать медленнее. Башенные часы приводили в движение маятники, скорость которых не менялась, либо ток ртути сквозь трубочку, который тоже оставался неизменным. Но наш мозг зависел от тока воздуха, и, если это воздух тек медленней, наши мысли тоже замедлялись, и нам казалось, что часы спешат.

Я опасался, что наш мозг может замедляться; именно эта вероятность побудила меня к аутопрепарированию. Но я полагал, что наш мыслительный аппарат, пусть и питаемый воздухом, по природе своей окажется механическим, и некая деталь механизма постепенно деформируется по причине усталости, что и приводит к замедлению. Это было бы ужасно, но у нас оставалась бы надежда починить механизм и вернуть мозгу исходную скорость работы.

Однако если наши мысли представляли собой воздушные паттерны, а не движение зубчатых шестерней, проблема была намного более серьезной. Что может замедлить прохождение воздуха сквозь мозг каждого индивидуума? Причина не могла крыться в падении давления в распределителях наших заправочных станций; давление воздуха в наших легких столь высоко, что его приходится снижать посредством серии редукционных клапанов на пути к мозгу. Я понимал, что падение мощности возникло по иной причине: давление окружавшей нас атмосферы росло.

Как такое могло случиться? Стоило вопросу оформиться, как стал очевиден и единственно возможный ответ: высота нашего неба не бесконечна. Где-то за пределами зрения хромовые стены нашего мира должны загибаться внутрь, образуя купол; наша вселенная была замкнутой камерой, а не открытым колодцем. И воздух будет постепенно накапливаться в этой камере, пока давление в ней не сравняется с давлением в подземном резервуаре.

Вот почему в начале этой гравюры я сказал, что воздух не является источником жизни. Воздух нельзя создать и нельзя уничтожить; общее его количество в нашей вселенной остается постоянным, и, если бы он был единственным, что нам нужно для жизни, мы бы жили вечно. Но на самом деле источником жизни является *разница в давлении воздуха*, ток воздуха из пространств, где он плотен, в пространства, где он разрежен. Активность нашего мозга, движение наших тел, работа всех механизмов, что мы когда-либо создали, зависят от движения воздуха, силы, возникающей из-за того, что различные давления стремятся уравновесить друг друга. Когда давление во всей вселенной выровняется, воздух станет неподвижным и бесполезным; однажды нас будет окружать застывший воздух, от которого нам не будет никакого проку.

В действительности мы вовсе не потребляем воздух. Количество воздуха, втягиваемое мной ежедневно из новой пары легких, в точности равно тому, что выходит сквозь сочленения моих конечностей и швы оболочки, – тому, что я выделяю в атмосферу; я всего лишь превращаю высокое давление воздуха в низкое. Каждым движением моего тела я способствую выравниванию давлений в нашей вселенной. Каждой мыслью я приближаю фатальное равновесие.

Осознай я это при любых других обстоятельствах, я бы вскочил со стула и помчался на улицу, но в моем нынешнем положении – тело зажато в ограничительном кронштейне, мозг развешан по всей лаборатории – это было невозможно. Я видел, как листы моего мозга затрепетали быстрее в мыслительном вихре, что, в свою очередь, усилило мое волнение из-за ограниченности действий и неподвижности. Паника в такой момент могла убить меня, вызвать кошмарный припадок, во время которого я, будучи обездвижен, потерял бы над собой контроль и бился бы в путах, пока не иссякнет запас воздуха. Скорее случайно, чем преднамеренно, мои руки повернули рукоятки и перевели мой перископический взгляд с мозгового сплетения на привычную поверхность рабочего стола. Избавившись от необходимости видеть и умножать собственные волнения, я смог успокоиться. Справившись с эмоциями, я приступил к кропотливому процессу сборки самого себя. В конце концов я вернул мозгу исходную компактную конфигурацию, установил на место головные пластины и выбрался из ограничительного кронштейна.

Сперва другие анатомы не поверили, когда я рассказал им о своем открытии, но в месяцы после моего первого аутопрепарирования все большее их число убеждалось в моей правоте. Были выполнены другие исследования мозга, проведены измерения атмосферного давления, и все результаты подтверждали мои выводы. Фоновое атмосферное давление в нашей вселенной действительно росло – и замедляло наши мысли.

Когда истина стала общественным достоянием, началась паника: люди впервые задумались о неотвратимости смерти. Многие призывали строго ограничить деятельность, чтобы свести повышение атмосферного давления к минимуму; обвинения в пустой трате воздуха привели к жестоким конфликтам, а в некоторых округах и к смертям. Стыд за эти смерти, а также мысль о том, что могут пройти века, прежде чем атмосферное давление сравняется с давлением в подземном резервуаре, заставили панику улечься. Мы не знаем точно, сколько столетий на это потребуется; дополнительные измерения и расчеты проводятся и оспариваются. Тем временем активно обсуждается вопрос, на что нам потратить оставшиеся годы.

Одна фракция поставила перед собой цель обратить выравнивание давления вспять – и обрела множество последователей. Их механики построили аппарат, который выкачивал воздух из нашей атмосферы и загонял в меньший объем, – процесс, который они назвали компрессией. Этот аппарат возвращал воздух к изначальному давлению в подземном резервуаре, и обратители возбужденно заявили, что он ляжет в основу новой разновидности заправочных станций, которые с каждым заполненным легким будут поддерживать жизнь не только в людях, но и во вселенной. Увы, тщательное изучение аппарата выявило его роковой недостаток. Сам аппарат работал за счет воздуха из резервуара и на каждое заполненное им легкое потреблял не одно легкое воздуха, а чуть больше. Он не обращал процесс выравнивания давлений, но, как и все в мире, ускорял его.

После этого разоблачения некоторые последователи покинули фракцию, однако большинство обратителей остались непоколебимы и принялись разрабатывать альтернативные схемы, в которых компрессор приводили в действие раскручивающиеся пружины или опускающиеся грузы. Эти механизмы постигла та же участь. Каждая сжатая пружина и каждый поднятый груз стоили воздуха, который выделил сжавший пружину или поднявший груз человек. Во вселенной нет источника энергии, в конечном итоге не основывающегося на разнице давлений, и нельзя создать аппарат, работа которого не будет способствовать ее выравниванию.

Обратители продолжают трудиться, уверенные, что однажды построят аппарат, дающий больше компрессии, чем потребляющий, вечный источник энергии, который вернет вселенной былой задор. Я не разделяю их оптимизма; я уверен, что процесс выравнивания необратим. В конце концов весь воздух в нашей вселенной распределится равномерно, не останется более плотных или разреженных областей, и поршни перестанут ходить, роторы – вращаться, а листы

золотой фольги – трепетать. Это будет конец давления, конец движущей силы, конец мысли. Вселенная достигнет полного равновесия.

Некоторые видят иронию в том, что исследование нашего мозга открыло нам не тайны прошлого, а наш будущий конец. Однако я считаю, что мы действительно узнали нечто важное о нашем прошлом. Началом вселенной стал огромный задержанный вдох. Кто знает почему, но я рад, что так вышло, ведь этому вдоху я обязан своим существованием. Все мои желания и размышления есть не что иное, как вихревые токи, возникающие по мере того, как вселенная постепенно выдыхает. И пока этот колоссальный выдох длится, мои мысли существуют.

Дабы наши мысли просуществовали как можно дольше, анатомы и механики разрабатывают замену нашим мозговым редукционным клапанам, которая сможет постепенно повышать давление воздуха в мозгу, чтобы оно немного превосходило атмосферное давление. Будучи установленными, эти клапаны позволят нам мыслить с неизменной скоростью, несмотря на растущую плотность окружающего воздуха. Но это не означает, что жизнь останется прежней. В конце концов разница давлений упадет настолько, что наши конечности ослабнут, а движения станут вялыми. Тогда мы можем попытаться замедлить наши мысли, чтобы физическое оцепенение не казалось таким заметным, однако это приведет к кажущемуся ускорению внешних процессов. Маятники часов будут отчаянно трепетать, тиканье превратится в стрекот; падающие предметы будут нестись к земле, словно подстегиваемые пружинами; провода будут пульсировать, как хлысты.

В какой-то момент наши конечности совсем перестанут двигаться. Не уверен, в какой последовательности будут развиваться события в самом конце, однако в моем сценарии мы продолжим мыслить, то есть останемся в сознании, но застывшими, неподвижными, как статуи. Быть может, мы еще некоторое время сможем говорить, поскольку наши гортани работают при меньшей разнице давлений, чем конечности; но, лишившись возможности посетить заправочную станцию, с каждым словом мы будем истощать запас воздуха, оставшегося для мыслей, и приближать момент, когда мыслительная деятельность прекратится полностью. Что предпочтительней – молчать, дабы продлить способность думать, или говорить до самого конца? Я не знаю.

Быть может, некоторые из нас, прежде чем мы утратим способность двигаться, смогут напрямую подсоединить мозговые клапаны к распределителям заправочных станций, по сути заменив свои легкие одним могучим мировым легким. В таком случае эти немногие сохранят способность мыслить до последних моментов, когда давление окончательно выравняется. Последние крохи атмосферного давления в нашей вселенной будут потрачены на мыслительную деятельность человека.

А потом вселенная замрет в полном равновесии. С ним прекратится вся жизнь, все мысли и само время.

Но у меня остается хрупкая надежда.

Хотя наша вселенная и замкнута, быть может, это не единственный воздушный сосуд в бесконечном пространстве цельного хрома. Я полагаю, что могут существовать иные воздушные камеры, иные вселенные, помимо нашей, превосходящие ее размерами. Быть может, атмосферное давление в этой гипотетической вселенной равно нашему или даже выше – но, быть может, оно ниже, быть может, там царит полный вакуум?

Стена хрома, отделяющая нас от этой предполагаемой вселенной, слишком толста и тверда, чтобы пробиться сквозь нее, а значит, мы сами не можем туда проникнуть, не можем сбросить избыточное давление и вернуть себе энергию. Однако в моих фантазиях в этой соседней вселенной есть свои обитатели, чьи возможности превосходят наши. Что, если бы они могли создать трубопровод между двумя вселенными и установить клапаны, чтобы выпустить воздух из нашей? Они могут использовать нашу вселенную в качестве резервуара, могут под-

ключать к ней распределители, чтобы заполнить свои легкие, и применять наш воздух для развития своей цивилизации.

Мне радостно думать, что воздух, когда-то питавший меня, сможет питать других, что дыхание, позволяющее мне писать эти слова, сможет однажды пройти сквозь другое тело. Я не тешу себя мыслями, будто это позволит мне возродиться, ведь я – не тот воздух, я – рисунок, который он на время создал. Рисунок, которым был я, рисунки, составляющие весь мир, в котором я живу, сгинут.

Однако у меня есть еще более призрачная надежда: что те обитатели не только используют нашу вселенную как резервуар, но, исчерпав весь ее воздух, однажды смогут открыть проход и войти в нее как исследователи. Они смогут пройти по нашим улицам, увидеть наши застывшие тела, изучить наши вещи и задуматься о том, как мы жили.

Вот почему я написал этот отчет. Надеюсь, ты – один из этих исследователей. Надеюсь, ты нашел эти медные страницы и расшифровал выгравированные на них слова. И, работает ли твой мозг за счет того же воздуха, за счет которого когда-то работал мой, или нет, когда ты прочтешь мои записи, рисунки, образующие твои мысли, повторят рисунки, когда-то образовывавшие мои. И таким образом я оживу вновь, в тебе.

Твои товарищи-исследователи найдут и прочтут другие наши книги, и благодаря совместной работе вашего воображения оживет вся моя цивилизация. Идя по нашим безмолвным округам, представляйте, какими они были: башенные часы отбивают время, на заправочных станциях толпятся сплетничающие соседи, глашатаи декламируют поэмы на общественных площадях, анатомы читают лекции в классах. Представьте все это, когда в следующий раз посмотрите на окружающий вас застывший мир, и в ваших сознаниях он вновь станет подвижным и живым.

Я желаю тебе удачи, исследователь, но задаюсь вопросом: не ждет ли тебя та же участь, что выпала мне? Полагаю, что ждет, что стремление к равновесию – не особенность нашей вселенной, а общая черта всех вселенных. Быть может, дело лишь в ограниченности моего разума, и твой народ открыл поистине вечный источник давления. Однако мои догадки и так достаточно фантастичны. Посему я буду считать, что однажды твои мысли тоже застынут, хотя не могу представить, сколько до этого осталось времени. Ваши жизни закончатся так же, как и наши, как должны заканчиваться все жизни. Не важно, сколько времени на это потребуется; в конце концов равновесие будет достигнуто.

Надеюсь, тебя не опечалит это понимание. Надеюсь, ваша экспедиция была чем-то большим, нежели поиском других вселенных, которые можно использовать в качестве резервуара. Надеюсь, тебя вело стремление к новым знаниям, желание увидеть, чем может обернуться выдох вселенной. Ведь даже если продолжительность жизни вселенной можно рассчитать, разнообразие жизни в ней не поддается исчислению. Здания, которые мы воздвигли, искусство, музыка и поэзия, которые мы создали, сами жизни, которые мы вели, – ничто из этого не могло быть предсказано, потому что не являлось неизбежным. Наша вселенная могла достичь равновесия, испустив лишь тихое шипение. Порожденное ею разнообразие – настоящее чудо, сравниться с которым можете лишь вы, порожденные вашей вселенной.

Хотя, когда ты прочтешь это, я буду давно мертв, я хочу напутствовать тебя, исследователь. Созерцай чудо жизни и радуйся, что имеешь такую возможность. Я чувствую, что имею право сказать тебе это, потому что, пока пишу эти слова, делаю то же самое.

Чего от нас ждут

Это предупреждение. Пожалуйста, прочтите внимательно.

К этому моменту вы уже наверняка видели Предсказателя; миллионы экземпляров будут проданы к тому времени, как вы прочтете эти слова. Для тех, кто не видел: это маленькое устройство, вроде пульта от двери гаража. На нем есть одна кнопка и большой зеленый светодиод. Он вспыхивает, если нажать кнопку. Точнее, за секунду до того, как вы ее нажмете.

Большинство людей говорят, что при первом использовании это напоминает странную игру, целью которой является нажать кнопку после вспышки, и игра эта несложная. Но, попробовав нарушить правила, вы поймете, что не можете этого сделать. Если попытаться нажать кнопку без вспышки, светодиод тут же вспыхнет, и, как бы стремительно вы ни двигались, вам не удастся нажать кнопку, пока не пройдет секунда. Если вы ждете вспышку, не собираясь нажимать кнопку, вспышки не будет. Что бы вы ни делали, вспышка всегда предшествует нажатию кнопки. Обмануть Предсказателя невозможно.

В основе каждого Предсказателя лежит контур с отрицательной временной задержкой; он посылает сигнал назад во времени. Полная значимость технологии станет ясна позже, когда удастся получить задержку длиннее одной секунды, но к предупреждению это не относится. Непосредственная проблема заключается в том, что Предсказатель демонстрирует отсутствие свободы воли.

Всегда существовали доказательства иллюзорности свободы воли; одни основывались на твердой физике, другие – на чистой логике. Большинство людей согласны, что доказательства эти неопровержимы, однако в действительности никто не воспринимает всерьез то, что они подтверждают. Опыт обладания свободой воли слишком силен, чтобы его победили какие-то свидетельства. Для этого нужна наглядная демонстрация – и именно ее предоставляет Предсказатель.

Обычно человек несколько дней маниакально играет с Предсказателем, показывает его друзьям, пробует разные схемы, чтобы обмануть устройство. Он может внешне утратить интерес к Предсказателю, однако никто не может забыть его смысл; в последующие недели человек полностью осознает непреложность будущего. Некоторые люди, понимая, что их выбор не имеет значения, вообще отказываются выбирать. Подобно легиону писцов Бартлби[4], они больше не совершают спонтанных поступков. В конечном итоге треть игроков с Предсказателем оказываются в больнице, потому что перестают питаться. Их конечным состоянием является акинетический мутизм, разновидность комы наяву. Они следят глазами за движением и время от времени меняют положение – но больше ничего не делают. Способность двигаться сохраняется, однако мотивация исчезает.

Прежде чем люди начали играть с Предсказателями, акинетический мутизм встречался очень редко и был результатом повреждения передней поясной коры головного мозга. Теперь он распространяется, подобно когнитивной чуме. Раньше люди строили предположения о том, какая мысль может уничтожить мыслителя – некий невыразимый лавкрафтов ужас или геделево предложение, сокрушающее человеческую логику. Оказывается, мы все сталкивались с этой разрушительной мыслью – с идеей, что свободы воли не существует. Просто она не причиняла вреда, пока мы в нее не верили.

Врачи пытаются спорить с пациентами, пока те участвуют в беседах. Прежде мы все вели счастливую, активную жизнь, говорят они, а ведь тогда у нас тоже не было свободы воли. Почему что-то должно меняться? «Все поступки, совершенные вами в прошлом месяце, были не более свободными, чем те, что вы совершаете сегодня, – может сказать врач. – Ничто не

[4] Отсылка к повести Германа Мелвилла «Писец Бартлби» (1853).

мешает вам вести себя как прежде». На что все пациенты отвечают: «Теперь я знаю». И для некоторых эти слова становятся последними.

Кто-то заявляет: сам факт, что Предсказатель вызывает подобное изменение в поведении, означает наличие у нас свободы воли. Автомат не может разочароваться; на это способна только свободномыслящая личность. То, что одни люди впадают в акинетический мутизм, а другие – нет, лишь подчеркивает важность выбора.

Увы, подобные рассуждения ошибочны; каждая форма поведения согласуется с детерминизмом. Одна динамическая система может попасть в область притяжения и окончить свои дни в фиксированной точке, в то время как другая будет бесконечно хаотично метаться – но поведение обеих будет полностью предопределено.

Я передаю вам это предупреждение, находясь чуть больше чем на год в вашем будущем; это первое длинное послание, полученное с использованием в устройствах связи контуров с негативной задержкой в мегасекундном диапазоне. Будут и другие сообщения, на другие темы. Мое послание таково: делайте вид, будто обладаете свободой воли. Очень важно, чтобы вы вели себя так, словно ваши решения значимы, даже если вы знаете, что это не соответствует действительности. Реальность не имеет значения; значение имеет ваша вера, и вера в ложь – единственный способ избежать комы наяву. Теперь цивилизация зависит от самообмана. А может, всегда от него зависела.

И все же я знаю, что, поскольку свобода воли – иллюзия, заранее предопределено, кто впадет в акинетический мутизм, а кто нет. С этим ничего нельзя поделать; нельзя выбрать влияние, которое окажет на вас Предсказатель. Кто-то поддастся, а кто-то нет, и мое послание не изменит этого. Тогда почему же я его отправил?

Потому что у меня не было выбора.

Жизненный цикл программных объектов

Ее зовут Ана Альварадо, и сегодня у нее отвратительный день. Всю неделю она готовилась к рабочему интервью – первому, которое за долгие месяцы безработицы стало не просто электронной перепиской, а видеоконференцией. Но лицо рекрутера мелькнуло на экране лишь на несколько секунд, за которые он успел сообщить ей, что компания уже наняла человека на эту должность. И Ана продолжает сидеть у монитора в своем лучшем костюме, который надела совершенно зря. Она делает несколько вялых попыток разослать резюме в другие компании, но мгновенно получает автоматические отказы. Примерно через час Ана решает отвлечься: она открывает окно «Другого Измерения», чтобы поиграть в свою любимую игру – «Эпоху Иридия».

Береговой плацдарм заполонен воинами, но на ее аватаре перламутровые доспехи – о таких можно только мечтать, – и вскоре игроки наперебой приглашают ее в свои команды. Они пересекают зону боевых действий, покрытую дымом горящих бронетранспортеров, а потом час пробиваются через укрепления «мантисс»[5] Боевая задача как раз по вкусу Ане: не чрезмерно сложная, что дает уверенность в победе, однако и не настолько простая, чтобы не получить удовольствие от игры. Ее товарищи по команде уже готовы приступить к следующей миссии, но в нижнем углу монитора открывается окошко телефона – вызов от ее подруги Робин. Ана переключает микрофон.

– Привет, Робин.

– Привет, Ана. Как жизнь?

– Даю намек: прямо сейчас я играю в «Иридий».

Робин улыбается:

– Значит, утро было неважным?

– Как минимум.

Ана рассказывает подруге о своем практически несостоявшемся интервью.

– Что ж, зато у меня есть кое-какие новости, которые могут тебя приободрить. Встречаемся на «ООПП Земля»[6].

– Идет. Дай мне только выйти из «Иридия».

– Я буду там же, где всегда.

– О'кей, до встречи.

Ана извиняется перед игроками и закрывает свое окно «Другого Измерения». Затем входит в «ООПП Земля» и выводит на экран монитора место своего последнего пребывания – данс-клуб, вырубленный прямо в гигантской скале. В «ООПП Земля» множество своих игровых континентов: «Эльдерторн», «Орбус Тетриус», но Ане они не очень-то по вкусу, и здесь она проводит время только на социальных континентах. Ее аватар одет так же, как и в прошлый раз, в костюм для вечеринки. Она переодевается в более удобную одежду и открывает портал домашнего адреса Робин. Шаг внутрь – и она в виртуальной гостиной Робин, в жилом аэростате, который парит над подковообразным водопадом с милю шириной.

Их аватары обнимаются.

– Что нового? – спрашивает Ана.

---

[5] «Мантиссы» – они же «богомолы», насекомоподобная инопланетная раса, известная по игре «Conquest: Frontier Wars» и по фильму «Звездный десант».

[6] ООПП – Объектно-ориентированное программное пространство. В контексте повести – виртуальное пространство для создания, тестирования, существования и взаимодействия объектов программирования.

– *Blue Gamma* стартует, – говорит Робин. – Мы получили очередную порцию грантов и можем начинать поиск работников. Я рассовала повсюду твое резюме, и теперь каждый мечтает встретиться с тобой лично.

– Со мной? Из-за моего огромного опыта? – Ана буквально на днях сдала экзамен на сертификат тестера ПО[7].Вводные занятия с их группой вела Робин – там они, собственно, и познакомились.

– Между прочим, именно из-за этого. Их интересует твое последнее место работы.

Ана шесть лет проработала в зоопарке, и только его закрытие вынудило ее снова сесть за парту.

– Я знаю, что каждый стартап[8]поначалу напоминает сумасшедший дом, но не уверена, что им нужен смотритель зоопарка.

Робин смеется.

– Давай-ка я лучше покажу тебе, над чем мы работаем. Наверху дали на это добро.

Это уже серьезно. До сих пор Робин не имела права распространяться о своей работе в *Blue Gamma*.

– У нас здесь свой частный остров. Посмотрим?

Она открывает новый портал, и их аватары проходят через него.

Пока картинка на мониторе обновляется, Ана ожидает увидеть какой-нибудь фантастический ландшафт. Однако вместо этого ее аватар оказывается в некоем подобии детских яслей. Присмотревшись, Ана видит, что вся сцена словно взята из детской книжки: маленький антропоморфный тигренок, щелкающий цветными костяшками, нанизанными на проволоку; панда, крутящая в лапах игрушечный автомобиль; мультяшный шимпанзе, катающий шар из пенистой резины.

Аннотация на экране сообщает, что это дигитанты. Ана знает, что дигитанты – это дигитальные[9]организмы, живущие в виртуальных мирах типа «ООПП Земля», однако таких ей видеть еще не приходилось. Это не идеализированные домашние питомцы, приобретенные людьми, которые не могут посвятить силы и время настоящим животным. Дигитантам недостает проработанной в деталях картиночной привлекательности, а движения их слишком неуклюжи. Не похожи они и на обитателей биомов[10]«ООПП Земля». Ана бывала на Пангее – архипелаге, где можно было увидеть одноногих кенгуру или змей, которые могли ползти, по своему желанию, головой либо хвостом вперед, и прочую живность, выведенную в местных «инкубаторах». Но эти дигитанты явно были родом не оттуда.

– Так вот что собирается выпускать *Blue Gamma*? Дигитантов?

– Да, но не совсем обычных дигитантов. Смотри. – Аватар Робин подходит к шимпанзе, катающему мяч, и присаживается на корточки рядом с ним. – Привет, Понго. Чем занимаешься?

– Понго играй мяч, – отвечает дигитант, и Ана вздрагивает от неожиданности.

– Играешь с мячом? Здорово! А можно я тоже поиграю?

– Нет. Мяч Понго.

– Ну пожалуйста?

Шимпанзе осматривается и потом, не выпуская мяча, ковыляет к рассыпанным на земле небольшим деревянным блокам. Один из них он пинает ногой в сторону Робин.

– Робин играй с броки. – Шимпанзе садится. – Понго играй мяч.

– Что ж, ладно. – Робин возвращается к Ане. – И что скажешь?

---

[7] ПО – программное обеспечение. Тестирование ПО – проверка качества программного продукта.

[8] Новая, готовящаяся к прорыву на рынок компания.

[9] «Дигитальные» здесь означает «программные», представляющие собой блоки программного кода.

[10] Биом— совокупность экосистем какой-либо изолированной или отличной от соседних природной зоны.

– Это поразительно. Я понятия не имела, что дигитанты на это способны.

– Стали способны, но совсем недавно. Наша группа разработчиков наняла двух докторов наук после того, как в прошлом году мы увидели их презентацию. Теперь у нас есть геном-движок[11], который мы называем Нейровзрыв. Он обеспечивает когнитивное развитие в гораздо большей степени, чем все, что мы видели прежде. Эти ребятишки, – Робин машет в сторону обитателей детских яслей, – пока что самые башковитые из всех, что мы вывели.

– И вы собираетесь продавать их как домашних питомцев?

– Во всяком случае, планируем. Мы собираемся рекламировать их как питомцев, с которыми можно разговаривать, которых можно обучать всяким трюкам, и так далее. Наш неофициальный – для внутреннего употребления – девиз: «Забавно, как с обезьянкой, плюс никто не швыряет в тебя какашками».

Ана улыбается:

– Кажется, я начинаю понимать, чем может пригодиться опыт работы с животными.

– Вот-вот. Мы не всегда можем заставить этих ребят делать то, что им говорят, и в каждом конкретном случае мы не знаем почему – гены ли виноваты или то, что мы неверно с ними работаем.

Ана смотрит, как дигитант-панда, взяв одной лапой игрушечный автомобиль, переворачивает его и осторожно постукивает другой лапой по колесам.

– Каков начальный уровень знаний и умений этих дигитантов?

– Практически нулевой. Я тебе покажу.

Робин активирует экран на одной из стен детсада. На видео – комната, раскрашенная в яркие цвета, и несколько дигитантов, лежащих на полу. Внешне они ничем не отличаются от тех, что с таким увлечением играют сейчас в яслях, но движения их бесцельны и дергано-спазматичны.

– Эти инстанцированы[12]совсем недавно. Необходимо несколько месяцев субъективного времени, чтобы они освоили самые азы существования: как интерпретировать визуальные сигналы, как двигать конечностями, как обращаться с твердыми предметами. Этот этап они проводят в «инкубаторе», и занимает он примерно неделю. Когда они готовы к освоению языка и общению, мы переводим их в режим реального времени. С этого момента начиналась бы твоя работа.

Панда несколько раз прокатывает автомобильчик по полу вперед и назад, а потом издает пронзительный крик: «*Мо-мо-мо!*» Ана понимает, что дигитант смеется. Робин продолжает:

– Я знаю, что в университете ты изучала принципы общения с приматами. Вот тебе шанс применить знания на практике. Что скажешь? Заинтересовало тебя наше предложение?

Ана колеблется. Поступая в колледж, она представляла себе будущее совершенно иным. На минуту она задумывается, как до всего этого дошло. Еще девочкой она мечтала продолжить работу, которую в Африке делали Фосси и Гудолл[13], однако ко времени окончания школы человекообразных обезьян на планете осталось так мало, что наилучшим вариантом для Аны стала работа в зоопарке. А теперь на повестке дня – дрессировка виртуальных домашних питомцев. На примере ее карьеры можно проследить, как с депрессивной очевидностью съеживается мир природы.

«Прекрати, возьми себя в руки», – приказывает себе Ана. Может, она и хотела чего-то лучшего, но эта работа связана с программированием – и разве не для того она ходила

---

[11] Движок— часть программного кода, служащая для решения конкретной прикладной задачи, в данном случае – генерации генома (квазигеномного кода) виртуальных существ.

[12] «Инстанцировать» в объектно-ориентированном программировании означает создать индивидуальный объект из некоего класса объектов.

[13] Дайан Фосси и Джейн Гудолл – известные приматологи, годами изучавшие крупных приматов в среде их обитания. Фосси изучала жизнь горных горилл, Гудолл – шимпанзе.

на свои последние курсы? А дрессировать виртуальных обезьян, возможно, все же веселее, чем тестировать пакеты программ. И если *Blue Gamma* предложит достойную зарплату – так почему бы и нет?

Его зовут Дерек Брукс, и новое задание его не слишком радует. Дерек разрабатывает аватары дигитантов *Blue Gamma*, и работа ему в принципе нравится, но вчера менеджеры производственного отдела дали ему задание, которое он воспринял как откровенно неудачную идею. Он пытался им это объяснить, но решение уже было принято, и теперь ему остается лишь понять, как выполнить работу на более или менее приличном уровне.

Дерек обучался искусству анимации, так что, с одной стороны, разработка дигитальных персонажей – дело вполне по его профилю. С другой стороны, эта работа радикально отличается от того, чем традиционно занимаются аниматоры. В обычной ситуации он разрабатывал бы походку и жестикуляцию персонажа, но у дигитантов и походка, и жесты уже содержатся в геноме, постепенно проявляясь вовне. Его же задача – создать такое тело, которое воспроизводило бы «врожденные» жесты дигитантов таким образом, чтобы это нравилось людям. Из-за таких специфических требований многие аниматоры – включая его жену Венди – не работают с дигитальными формами жизни. Однако Дереку это нравится. Он считает, что помочь новой форме жизни выразить себя – это самая интересная работа, какая может выпасть на долю аниматора.

Он также разделяет философию *Blue Gamma* в подходе к разработке ИИ[14]: опыт – лучший учитель, поэтому вместо того, чтобы начинять ИИ знанием, которое предпочел бы ты, следует продавать ИИ, изначально способный к обучению, и предоставить покупателям самим заниматься его воспитанием и образованием. Но для того, чтобы покупателям хотелось прилагать усилия, дигитанты должны быть исключительно хороши во всех аспектах. Их дигитальное «я», их личность должна быть привлекательной. Этим занимаются программисты-разработчики. Их аватары должны быть симпатичными и радующими глаз – а это уже делает Дерек. Но он не может просто наделить их огромными глазами и маленькими носиками. Если они выглядят как мультяшки, никто не будет принимать их всерьез. И напротив, если они будут до мельчайших деталей напоминать реальных животных, их мимика в сочетании со способностью говорить будут сбивать потребителя с толку и даже настораживать его. Здесь требуется тонкий и точный баланс между первым и вторым. Он проводил бесчисленные часы, просматривая видеозаписи с детенышами животных, – и в результате добился того, что создал гибридные мордашки: очаровательные, однако не преувеличенно очаровательные.

Новая задача отличается от прежних. Не удовлетворившись кошками, собаками, обезьянами и пандами, производственный менеджмент решил, что им нужно разнообразить ассортимент аватаров. И сейчас они предлагают роботов.

Эта идея кажется Дереку бессмыслицей. Вся стратегия *Blue Gamma* основана на близости и даже родстве людей и животных. Дигитантов обучают методом поощрения – как и животных, а поощрение включает в себя и прямое общение, будь то поглаживание по голове или почесывание за ухом, и угощение в виде виртуальных «съедобных» пластинок. С аватаром-животным это вполне нормально, но с аватаром-роботом будет выглядеть комично, да и попросту абсурдно. Продавай они материальные игрушки, роботы имели бы преимущество, будучи более дешевыми в производстве, нежели детально проработанные игрушки-животные. Однако в виртуальной реальности затрат на производство отдельно взятого объекта попросту нет, а мимика животных гораздо выразительнее. Предлагать покупателю аватара-робота – то же самое, что предлагать видеоимитацию, располагая реальной вещью.

Ход его мыслей прерван стуком в дверь. Это Ана, новый член группы тестеров.

---

[14] ИИ (*англ.* AI – «Artificial intelligence») – искусственный интеллект, интеллектуальная компьютерная программа.

– Дерек, привет. Тебе стоит посмотреть видеозапись утреннего тренинга. Эти малыши – просто умора!

– Спасибо, обязательно посмотрю.

Она собирается уходить, но внезапно останавливается.

– У тебя сегодня неудачный день?

Дерек считает, что нанять бывшую смотрительницу зоопарка было хорошей идеей. Она не только разработала тренинговые программы для дигитантов, но и внесла предложения, позволившие улучшить качество их пищи.

Другие компании, продающие дигитантов, предлагают ограниченный выбор пищевых пластинок. Ана предложила, чтобы *Blue Gamma* разнообразила форму еды и угощения для дигитантов. Она отметила тот факт, что разнообразие диеты улучшает самочувствие животных в зоопарке, а сама процедура кормления становится более интересной для зрителей. Менеджмент согласился с ее идеей, и группа разработчиков отредактировала базовую «таблицу» поощрения дигитантов, включив в нее широкий спектр виртуальной пищи. Инженеры не могли произвести симуляцию всех химических составляющих на молекулярном уровне – возможности «ООПП Земля» в этом плане ограничены, – но им удалось добавить параметры, изменяющие вкус и текстуру еды. Кроме того, они разработали интерфейс, позволявший владельцам дигитантов составлять собственные рецепты. И сама задумка, и ее воплощение оказались чрезвычайно успешными: у каждого дигитанта появились свои вкусовые пристрастия, а бета-тестеры[15]сообщали, что им самим нравится готовить то угощение, которое предпочитают их питомцы.

– Менеджмент решил, что аватары-животные – это недостаточно, – говорит Дерек. – Они хотят добавить к ним аватаров-роботов. Можешь себе представить?

– Мне кажется, неплохая идея, – говорит Ана.

Дерек поражен ее ответом.

– Ты действительно так считаешь? Мне казалось, что уж ты-то предпочтешь животные аватары!

– Здесь все почему-то думают о дигитантах как о животных, – возражает она. – Но дело в том, что дигитанты не ведут себя как реальные животные. В наших подопечных абсолютно очевидна их неживотная сущность, и, когда мы делаем их похожими на обезьянку или панду, создается впечатление, что мы натянули на них цирковые костюмы.

Дереку слегка обидно слышать, как его тщательно разработанные аватары сравнивают с цирковыми костюмами. Видимо, это отражается на его лице, потому что Ана поспешно добавляет:

– Обычный человек вряд ли это заметит. Просто я провела намного больше времени с животными, чем подавляющее большинство людей.

– Все о'кей, – говорит он. – Для меня важно ознакомиться с точкой зрения, отличной от моей.

– Извини. Твои аватары выглядят здорово, честное слово. Особенно мне нравится тигренок.

– Я не обиделся. Серьезно.

Она с виноватым выражением лица машет рукой и уходит, пока Дерек думает над тем, что она сказала.

Может быть, он действительно зациклился на аватарах животных – настолько, что начал видеть в дигитантах не то, чем они являются на самом деле? Ана, конечно, права. Дигитанты – животные не в большей степени, чем роботы, и кто может сказать, что его аналогия более

[15] Добровольцы, тестирующие почти готовую версию программного продукта и помогающие довести ее до «товарного» уровня.

верна, чем ее альтернатива? Если принять за основу работы, что для новой жизнеформы аватар-робот такой же добротный способ проявиться и самореализоваться, как и аватар-животное, то, возможно, он в конце концов сумеет разработать аватар, который придется ему по сердцу.

Прошел год, и *Blue Gamma* остались считаные дни до выпуска в свет ее ключевого изделия. Ана работает в своем отсеке, через проход от отсека Робин. Они сидят спиной друг к другу, но на обоих мониторах сейчас «ООПП Земля», где их аватары стоят рядом. Неподалеку с десяток дигитантов носятся по игровой площадке, гоняются друг за другом по мостику и под ним, карабкаются по лесенке или съезжают по небольшому трамплину. Это кандидаты на выпуск: через несколько дней они – или же их точные копии – будут доступны для покупателей в пересекающихся сферах реального мира и «ООПП Земля».

Вместо того чтобы за пару дней научить этих дигитантов чему-то новому, Ана и Робин следят за тем, чтобы их подопечные как следует попрактиковались в том, что они уже знают и умеют. Тренировочная сессия в самом разгаре, когда Махеш, один из основателей *Blue Gamma*, появляется в проходе между отсеками. Он останавливается, чтобы понаблюдать за происходящим.

– Не обращайте на меня внимания, делайте свое дело. Какой навык проверяется сегодня?

– Определение формы предмета, – отвечает Робин. Она инстанцирует перед своим аватаром разбросанные по земле разноцветные деревянные блоки разной формы. И потом говорит, обращаясь к одному из дигитантов: – Иди сюда, Лолли.

Львенок – маленькая самочка – ковыляет к ней через игровую площадку.

Ана тем временем подзывает Джакса, аватара-робота в неовикторианском стиле, сделанного из полированной меди. Создавая его, Дерек здорово постарался – во всем: от пропорций конечностей до формы лица. Ана считает, что Джакс просто очарователен. Она также инстанцирует цветные блоки разной формы и привлекает к ним внимание Джакса.

– Ты видишь эти блоки, Джакс? Вот этот, синий, – какой формы?

– Треуль, – говорит Джакс.

– Хорошо. А тот – красный?

– Кваррат.

– Хорошо. А вот этот, зеленый?

– Круг.

– Молодец, Джакс. – Ана дает ему печенье, которое он лопает с явным удовольствием.

– Джакс умый, – говорит Джакс.

– Лолли тоже умый, – заявляет Лолли.

Ана улыбается и гладит их обоих по голове.

– Вы оба очень, очень умные.

– Оба умый, – подтверждает Джакс.

– Вот это я и хотел видеть, – говорит Махеш.

Кандидаты на выпуск – это финальная дистилляция бесчисленных опытов и тестов, лучшие из лучших в плане обучаемости. Отбор кандидатов велся с прицелом на интеллект, но лишь частично, потому что в не меньшей степени важны были эмоциональность дигитанта, его характер – с тем чтобы он не раздражал потенциальных покупателей. Одним из элементов хорошего характера была способность играть с другими без конфликтов. Команда разработчиков старалась снизить в дигитантах уровень иерархического поведения – в конце концов, *Blue Gamma* не ставила своей целью продавать домашних любимцев, с которыми хозяевам пришлось бы постоянно утверждать свой авторитет. Но это не значит, что соперничества вообще никогда не возникает. Дигитанты любят внимание, и, если один из них замечал, что Ана похвалила другого, он тут же старался оказаться поближе и дождаться своей порции одобрения. В большинстве случаев все проходило как должно, но если какой-либо дигитант слишком обид-

чиво относился к своим товарищам или к Ане, она тут же помечала его флажком[16], и этот конкретный геном из следующих поколений исключался.

Нынешние версии кандидатов на выпуск останутся в компании в качестве маскотов[17], хотя их копии будут доступны для покупателей. Впрочем, ожидается, что большинство людей захотят купить более юных дигитантов, пока те пребывают еще в предлингвистическом возрасте. Учить собственного дигитанта говорить – как минимум половина удовольствия от покупки. Основная же цель маскотов – продемонстрировать покупателю, какого результата он может ожидать. Продажа предлингвистических дигитантов возможна и вне англоязычных рынков, хотя у *Blue Gamma* специалистов хватило только на воспитание маскотов, говорящих по-английски.

Ана отправляет Джакса на игровую площадку и подзывает к себе панду-дигитанта Марко. Она готовится провести тест на распознание фигур, но тут Махеш показывает на один из углов ее монитора:

– Эй, посмотри-ка на это!

Пара дигитантов взобралась на холм рядом с игровой площадкой и теперь радостно скатывается вниз.

– Кайф, – говорит Ана. – Такого я еще не видела.

Она ведет свой аватар к холму, Джакс и Марко следуют за ней и присоединяются к дигитантам, уже взобравшимся на холм. Когда Джакс в первый раз пробует скатиться по склону, то почти сразу же тормозит, однако после нескольких попыток ему удается скатиться к самому подножию. Он проделывает это еще пару раз и бежит к Ане.

– Ана смотреть? – спрашивает Джакс. – Джакс крутиле лежа внюз!

– Да, да, я тебя видела! Ты скатился вниз по холму!

– Скрутилс внюз хому!

– Ты молодец.

Она снова гладит его по затылку.

Джакс возвращается и начинает скатываться с холма, снова и снова. Лолли тоже с энтузиазмом предается новому развлечению. Но один раз, достигнув основания холма, она катится дальше по плоскости и ударяется о мостик игровой площадки.

– Иих, иих, иих, – говорит Лолли. – Бл…

В одно мгновение Лолли становится центром внимания людей из *Blue Gamma*.

– Где она научилась *этому*? – спрашивает Махеш.

Ана выключает микрофон и отправляет свой аватар утешать ушибшегося львенка.

– Не знаю, – говорит она. – Должно быть, где-то подслушала.

– Да, но не можем же мы продавать дигитанта, который говорит «бл…»!

– Я сейчас же все выясню, – заверяет его Робин.

В отдельном окне на своем мониторе она выводит архивы всех тренингов и задает поиск по аудио.

– Что касается дигитантов, то, похоже, это было сказано впервые. А вот кто из наших и когда это произнес…

Все трое следят за результатами поиска, группирующимися в окне на мониторе. Похоже, виновник происшествия – Стефан, один из тренеров австралийского офиса *Blue Gamma*. На компанию работали люди в Австралии и Англии, чтобы тренинги дигитантов не прерывались ни на минуту, даже тогда, когда главный офис на Западном побережье Штатов был закрыт.

---

[16] Флаг, флажок – в программировании отметка некоего предполагаемого (желательного или, наоборот, нежелательного) события. Событие происходит – флажок «поднят», включается соответствующая часть программного кода.

[17] От *фр.* mascotte – персонаж-талисман в спорте, корпоративных продуктах, университетах и т. д. Примерами могут быть пингвин Тих – маскот операционной системы Lunux, неутомимый заяц батареек Energizer, медвежонок Миша – маскот Московской олимпиады 1980 года и многие другие.

Дигитанты не нуждаются в сне, вернее, интеграционная обработка полученных импульсов – их аналог человеческого сна – происходит на очень высоких скоростях, поэтому их можно тренировать двадцать четыре часа в сутки.

Сейчас они просматривают видеозаписи всех случаев, когда Стефан произносил слово «бл…» во время тренинга. Самая драматичная ситуация имела место три дня назад. Видя лишь аватар Стефана, трудно было быть уверенным на все сто, но, похоже, он ударился коленом о свой стол. Изредка – недели тому назад – это слово вырывалось у него и прежде, но никогда с такой громкостью и частотой.

– Ну, что скажешь? Что нам теперь делать? – спрашивает Робин.

Варианты очевидны. Накануне начала продаж у них просто нет времени, чтобы повторить *недели* тренингов. Может, все-таки стоит рискнуть и надеяться на то, что давнее отрывистое и негромкое «бл…» Стефана не запечатлелось в памяти дигитантов? Махеш с минуту думает – и выносит решение:

– О'кей. Откат на три дня назад – и повторный тренинг.

– Для всех? – спрашивает Ана. – Не только для Лолли?

– Рисковать мы не можем. Откат для всех. И чтобы с сегодняшнего дня был выставлен флаг на ключевые слова для каждой тренировочной сессии. Если кто-то из вас выругается, откатывайте всех подопечных назад, к последнему чекпойнту[18].

Итак, дигитанты теряют три дня жизненного опыта. Не считая первого в их жизни кувыркания с холма.

Дигинанты компании *Blue Gamma* – абсолютный хит продаж. За первый год десятки тысяч людей приобрели и – что еще важнее – продолжают заниматься ими. Дело в том, что *Blue Gamma* поставила на бизнес-модель «бритва и лезвия»[19], потому что простая продажа дигитантов не окупила бы даже расходов на разработку ключевого продукта. Вместо этого компания получает с потребителей деньги каждый раз, когда хозяева дигитантов готовят им еду, – то есть прибыль продолжает поступать до тех пор, пока дигитанты остаются интересными и забавными для своих владельцев. До сих пор все покупатели чрезвычайно довольны своим приобретением, играя с дигитантами едва ли не круглые сутки. Обычные потребители, как правило, ведут интеграционную обработку полученных дигитантами импульсов медленно, так что их подопечные спят всю ночь. Однако некоторые умудряются вести ту же обработку на высоких скоростях, так что их дигитанты почти никогда не спят. Их владельцы кооперируются с людьми из других часовых поясов, тренинг идет постоянно – и дигитанты взрослеют гораздо быстрее. На социальных континентах «ООПП Земля» открываются десятки яслей и игровых площадок, а календари общественных мероприятий покрываются густой сетью отметок событий для дигитантов: групповыми игровыми встречами, тренировочными классами, конкурсами талантов. Некоторые владельцы даже приводят своих дигитантов в гоночные зоны, где вместе с ними гоняют на машинах. Виртуальный мир становится глобальной деревней для выращивания дигитантов, социальной тканью, в которую вплетены питомцы совершенно нового рода.

Половину своих дигитантов *Blue Gamma* продает как «уникалов», геном которых создается с помощью генератора случайных чисел, но при этом все равно соответствует параметрам, избранным в процессе объект-размножения. Другая половина продаж приходится на копии маскотов, но при этом компания неустанно напоминает покупателям, что развитие каждой из

---

[18] Чекпойнт, или контрольная точка, – регулярная фиксация (сохранение) состояния работающей программы. Если в дальнейшем программа дает сбой, у пользователя остается возможность «отката» к последнему чекпойнту и продолжения работы с этого – зафиксированного – момента. При этом исключается потеря состояний и данных, накопленных до последнего чекпойнта, но все проделанное программой после него стирается из памяти.

[19] Эта бизнес-модель (как и ее название) – не плод фантазии автора повести. В разных вариациях она используется тысячами компаний во всем мире уже более 100 лет.

копий может быть весьма индивидуальным, во многом зависящим от ее окружения. В качестве иллюстрации торговые подразделения *Blue Gamma* приводят Марко и Поло – двух маскотов компании. Оба инстанцированы из абсолютно идентичных геномов, оба имеют панда-аватары, но личности их при этом заметно разнятся. Марко было два года, когда был инстанцирован Поло, поэтому Поло держится за Марко как за своего рода старшего брата. Они неразлучны, но Марко более свободен в поступках, в то время как Поло более осторожен – и никто не рассчитывает, что Поло в обозримом будущем превратится в Марко.

Маскоты *Blue Gamma* – самые взрослые из всех действующих дигитантов Нейровзрыва, и поначалу менеджмент питал надежды, что они станут своего рода тестовой командой, позволяющей предвидеть изменения в поведении дигитантов прежде, чем с ними столкнется покупатель. На деле, однако, из этого ничего не вышло: невозможно предсказать, какими станут дигитанты, которых воспитывают в тысячах различных вариантов окружающей обстановки. Каждый обладатель дигитанта исследует совершенно новую территорию – в самом буквальном смысле этого слова, поэтому все обращаются за помощью к таким же владельцам цифровых питомцев. Повсюду возникают бесчисленные онлайн-форумы обладателей дигитантов, наполненные вопросами и советами, забавными историями и дискуссиями.

У *Blue Gamma* есть сотрудник по контактам с клиентами, в чью задачу входит и чтение форумов. Однако после работы Дерек иногда не прочь и сам побродить по форумам. Порой потребители пишут о мимике дигитантов, что для дизайнера немаловажно. Но Дерек, даже если таких сообщений нет, с удовольствием читает забавные истории разного рода.

От: Зои Армстронг

Вы не поверите, что сегодня натворила моя Наташа! Мы были на игровой площадке, когда другой дигитант нечаянно шлепнулся и заплакал от боли. Наташа обняла его, успокоила – а я расхвалила ее до небес. Внезапно – я и моргнуть не успела – она толкает другого дигитанта, сбивает с ног, тот плачет, Наташа обнимает его – и смотрит на меня, ожидая града похвал!

Следующий пост заставил его задуматься.

От: Эндрю Нгуена

Может ли быть, что некоторые дигитанты не так умны, как остальные? Мой, например, не реагирует на команды так, как я это наблюдаю у многих других пар.

Он смотрит на пользовательский профиль Нгуена и видит, что его аватар представляет собой бесконечный дождь золотых монет; монеты отскакивают одна от другой, причем так, что их траектории, соединяясь, напоминают весьма абстрактную человеческую фигуру. Анимация, бесспорно, великолепна, но Дереку кажется, что пользователь не читал рекомендации *Blue Gamma* по воспитанию дигитантов. Он отправляет ответ на пост Нгуена:

От: Дерека Брукса

Когда вы играете с вашим дигитантом, вы используете тот же аватар, что в вашем форумском профиле? Если это так, то как минимум часть проблемы заключается в том, что у вашего аватара нет лица. Установите камеру таким образом, чтобы она отследила вашу мимику, после чего наденьте аватар, который способен воспроизвести ее. Контакт с дигитантом станет гораздо лучше, как и его реакция на ваши команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.